

АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ

АРГЕНТИНА

ЛОЖИ

Аргентина

Андрей Валентинов

Аргентина. Локи

«Фолио»

2018

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр-Рос)

Валентинов А.

Аргентина. Локи / А. Валентинов — «Фолио»,
2018 — (Аргентина)

ISBN 978-966-03-8131-5

...Европа 1937. Герцог Виндзорский планирует визит в Германию. В Рейхе назревает конфликт между Гиммлером и высшими чинами Вермахта. Отельный воришка Хорст Локенштейн по прозвищу Локи надеется вытащить бриллианты из сейфа, но ему делают предложение, от которого нельзя отказаться. Надеешься выжить – представь, что ты король. Леди Палладии Сомерсет осталось жить не больше года, ей надо успеть многое. Главное – выполнить поручение дядюшки Винни. Без остановок, без пощады, без раскаяния. Как подобает солдату Его Величества. Британский лев на охоте, смертоносные снаряды в подвале, пуля в затылок. Фарта нет, жизнь сломала мне хребет...

УДК 821.161.1(477)

ББК 84(4Укр-Рос)

ISBN 978-966-03-8131-5

© Валентинов А., 2018

© Фолио, 2018

Содержание

Мирлацванциг, троммельбаух[1]	6
Глава 1	8
Глава 2	29
Глава 3	49
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Андрей Валентинов

Аргентина: роман-эпопея. Кн. 6. Локи

ISBN 978-966-03-8081-3 (Современ. остросюжет. проза).

ISBN 978-966-03-7900-8.

ISBN 978-966-03-8131-5 (кн. 6).

© А. Валентинов, 2018

© М. С. Мендор, художественное оформление, 2018

© Издательство «Фолио», марка серии, 2018

Мирлацванциг, троммельбаух¹

В полный голос, под звон цепей

Конвоир да баланда, кандалы да кирка,
А помрешь – ну и ладно, отпоют дурака,
В штольне трудишься раком, как у мамки внутрях,
А потом до барака при шести козырях!

Фарта нет,
Жизнь сломала мне хребет:
Мирлацванциг, троммельбаух,
Унтервельт рибон рибет...

Полюбил я девчонку – один зад, две ноги,
Изменила девчонка, загуляла с другим,
Взял я стерву за сраку да в могилу запряг,
А потом до барака при шести козырях!

Фарта нет,
Мы с дружком гулевали на дороге большой,
Глянул я на привале – ни гроша за душой,
Снес дружка я к оврагу, прикопал хладный прах,
А потом до барака при шести козырях!

Фарта нет,
Я ходил на корвете, был лихим морячком,
Вижу, кок Donnerwetter что-то трется бочком,
Лезет, гад, под рубаху, ну и сгинул в морях —
Мне же путь до барака при шести козырях!

Фарта нет,
Мы сидели в борделе, один я, три жены,
Я с весны не при деле, очень деньги нужны,
Озверел с перетраху, грохнул шлюху в дверях —
А потом до барака при шести козырях!

Фарта нет,
Конвоир да баланда, кандалы да кирка,
А помрешь – ну и славно, в рай возьмут паренька,
Будешь ангелом крикать, если с глоткой напярк,
И бегом до барака при шести козырях!

Эх, тот свет,
Даже тут мне фарта нет:
Мирлацванциг, троммельбаух,

---

¹ Текст песни «Мирлацванциг, троммельбаух» написан Олегом Ладыженским, за что автор ему чрезвычайно признателен.

Унтервелът рибон рибет...

Глава 1

Трое и Смерть

1

Смерть не брезглива, залитый осенним дождем окоп, тифозный барак, полярные льды – всюду Ей дорога, ничто не преграда. Никогда не спешит, никогда не опаздывает – и всем рада, даже упрямым, не желающим пройтись с Ней в последнем танце. Изредка Ей доводится приходить и дважды, и трижды, отступить, отдергивать руку в белой перчатке от чужого плеча. Не беда, Она все равно возьмет свое.

Но чаще все случается просто, проще некуда. Белые стены, белый потолок, и белье на стеллажах тоже белое, желтый электрический свет, черные костюмы на мужчинах, что сидят возле небольшого стола. Зеленая бутылка, хрустальные рюмки, на указательном пальце того, что справа – тяжелый перстень с красным камнем. «Прозит!» сказано, настал миг первого, самого сладкого глотка.

Нет, не суждено!

– Рдах! Рдах! Р-рдах! – прямо с порога, навскидку.

Смерть уже здесь, костлявые худые руки в белых бальных перчатках бережно подхватывают первого, того, что с перстнем. Испугаться он не успел, слишком все быстро. Удивиться – тоже, и покорно, без единого лишнего слова закружился в прощальном вальсе.

Раз-два-три... Раз-два-три... Раз-два...

Смерть улыбнулась во весь желтый оскал. Видишь, как все просто, милый? Не понял, что случилось? Ничего, скоро поймешь. Объяснят, все, как есть, растолкуют!

Раз-два-три...

Перемена, поворот, обратная перемена, шассе, снова поворот, перемена. Вальс, вальс, вальс...

– Рдах! Р-рдаум!

Пальцы в белом шелке разжались, отпуская партнера во тьму. Прощай, навсегда прощай!

Второй!

Смерть протянула руки, но сидевший слева уклонился. Пули ударили в стену, осыпая стол мелкой серой пылью. Человек успел вскочить, податься в сторону... Больше ничего не успел.

– Р-рдах!

И – белые перчатки на присыпанной пылью ткани пиджака. Смерть улыбнулась:

– Ты обычно танцуешь с мужчинами, милый. Но этот танец – мой!

В широко открытых глазах – ужас темным огнем. Плеснул, отзываясь негромким последним стоном. Погас...

– Нет! Не-е-ет! Не...

Смерть не спорила. Вальс! Раз-два-три... Раз-два-три...

Двое, стоявшие у порога, переглянулись. Тот, что постарше, кивнул и спрятал пистолет. Негромко хлопнула дверь.

Простой случай...

Смерть, отпустив второго партнера во тьму, шагнула следом. Еще не все, работа не сделана. Черный безвидный сумрак истончился, открывая огромный белоколонный зал под звездным куполом неба. Музыка стала громче, невидимый дирижер негромким холодным голосом отсчитывал такт:

– Раз-два-три! Раз-два-три! Раз-два-три!

Смерть задержалась на миг, а потом прошла в темный промежуток между колоннами. Партнер был уже там – невысокий светловолосый парень в мятом костюме. Засохшая кровь на щеке, упрямо сжатые губы, стальные наручники на запястьях.

Трудный случай...

– Мы снова встретились, Никодим! – Смерть протянула руку, оскалилась. – Никуда ты от меня не денешься. И не денешься! Ну что, пойдём? Ты должен мне танец.

Губы того, кто стоял между колоннами, беззвучно дрогнули. На малый миг нестойкая колдовская явь, сгинула, сменившись серым полумраком. Серая известка стен, зарешеченное окошко под самым потолком, железные нары, столик, жестяная кружка на нем.

– Все движется по кругу. Снова тюрьма, снова допросы, снова тебя будут пытаться. Чего ты ждешь, мой Никодим?

Губы упряма вновь дрогнули.

– Не дож-дешь-ся!

Смерть, ничуть не обидевшись, погладила будущего партнера по плечу:

– Дождусь! Ты удивишься, Никодим, но некоторые мне рады. Ничего, поймешь. Скоро поймешь!

И обрушила звездный купол, оставляя землю далеко внизу. Смерти ничто не преграда, даже небо. Металлическая сигара «цеппелина», узкая, двоим не разойтись, каюта, девушка под легким шерстяным одеялом. Глаза закрыты, но веки беспокойны. Что-то видит... Смерти ничего не стоит войти в чужой сон, однако Она не спешила. Еще не время...

Мужские имена Смерть не помнила и не пыталась запомнить. С женщинами – иначе. Крестильное имя помянут на Суде, фамилии место на надгробном камне. Но имя с фамилией – еще не все.

Смерть наклонилась над той, что лежала на койке пассажирской кабины первого класса дирижабля проекта LZ130, но прежде чем позвать, поправила сбившееся на сторону одеяло. Красивая девочка...

– Худышка! Мисс Худышка!..

2

Живот заболел как-то внезапно. Вначале булькнуло, забурчало, а потом слева над пупком возникла пульсирующая злая точка, словно шилом укололи. От неожиданности Хорст даже остановился, ладонь полезла под пиджак, новый, второй лишь раз надетый, но невидимое шило уже исчезло. Можно все забыть и шагать себе дальше коридором, но идти внезапно расхотелось. Молодой человек, удивившись еще больше, оглянулся для верности. Сзади – пусто, двери закрыты, неярко светят электрические лампы под потолком. Ночью в служебном крыле «Адлона» не слишком людно, особенно здесь, в коридоре за прачечной. Народ набежит утром, когда его, случайного гостя, след давно уже простынет. Даже если увидят, не беда. Заплутал, спутал лестницу, повернул не туда. Еще и дорогу укажут.

...А живот заболел после ужина в здешнем ресторане. Всем «Адлон» славен, а вот кухня подгуляла. Зря он бременский салат заказал! Селедка с апельсиновым соком – адская смесь.

Живот вновь забурчал, и Хорст Локенштейн прижал полу твидового пиджака ладонью. Ерунда! И кухня здесь приличная, и салат приготовлен нормально, по всем кулинарным правилам.

Назад! Прочь отсюда! Бегом!..

Совсем рядом, в шаге – зеркало, высокое, во весь рост, в толстой деревянной раме. Хорст резко выдохнул, подошел, не думая, достал из бокового кармана расческу. Изображение без особой охоты повторило все движения, хотя и, как ему почудилось, с легкой заминкой. Рас-

ческа ни к чему, только вчера из парикмахерской, стрижка «Preppу», волосок к волоску. И костюм в порядке, и галстук, шелковый, светло-синий, по последней моде, завязан по всем правилам. Красавец, хоть на студию «UFA» отправляй.

Если бы не лицо. Тот, кто смотрит из зеркала, явно испуган. С таким на дело не пойдешь.

* * *

Дело намечалось верное – залетные «янки», пожилая богатая парочка с кучей чемоданов, негром-слугой и двумя собачками. Свои драгоценности американка в первый же день положила в гостиничный сейф, но сегодня днем взяла их обратно. Если верить глазастым горничным, гости Берлина получили приглашение в узком белом конверте, но этим вечером никуда не пошли. Значит, завтра.

Все прочее Хорст надеялся узнать прямо сейчас. До нужной двери – всего два десятка шагов. Ганс Штурр, верный подельщик, ждет в бельеовой. В прошлый раз, год назад, с его помощью удалось изрядно навариться. Шум был немалый, что ни говори, «Адлон» – лучший отель Берлина, но постепенно все утряслось и забылось. Значит, пора вновь на охоту.

...Или все-таки лучше уйти? Прямо сейчас, поправив чуть сбившийся на сторону галстук?

Хорста Локенштейна считали счастливымчиком. Пять лет в деле и ни одного ареста, даже свидетелем не вызывали. И кто заподозрит? Изящный, молодой человек, по последней моде одетый, улыбочивый, с прекрасными манерами. И не «жиголо», с дамами знакомится редко, без всякой охоты.

Локи...

Фамилия, потеряв «хвостик», стала кличкой. О скандинавском боге хитрости и обмана Хорст узнал еще в гимназии и тогда же уловил сходство. Сын Фарбаути и Лаувеи тоже горазд на всякие выдумки.

Уйти?

Локи не верил в случайности, даже если речь шла о плохо приготовленном салате. Еще час назад все было в порядке, он это чувствовал. Значит, что-то изменилось. Но что?

Коридор пуст и тих. Даже если в бельеовой комнате полицейский наряд, предъявить ему нечего. Ни одной бумажки, ни одного лишнего свидетеля. Со Штурром они говорили один на один, если что – отопрется. Знать ничего не знаю, господин криминальберассистент, и ведасть не ведаю!

С тем он успокоился. Даже если Штурр, старый приятель, и залетел по неведомо какой глупости, ему, Хорсту Локенштейну 22-х лет от роду, уроженцу маленького городка Тильзит, что в Восточной Пруссии, несудимому, арийцу, подданному Рейха, гостиничному вору экстра-класса, бояться нечего. В крайнем случае до утра придется поскучать в районном комиссариате, отвечая на все вопросы «нет», «нет», «не знаю», «не видел». Если же повернет назад, сорвется верное дело, именно сейчас, когда в карманах пусто-пустынно. И попадаться Штурру не с чего, сам на дело никогда не ходит, наводчика же поди вычисли!

Перед тем, как отойти от зеркала, Локи глубоко вздохнул. Нет, ничего не болит, там, где торчало шило – маленький острый кусочек льда.

Вперед!

Прежде чем постучать в нужную дверь он в очередной раз оглянулся. Все тихо, все спокойно. Повернул медную дверную ручку, порог переступил.

– Ганс! Это я...

Не договорил – в ноздри ударил густой дух крови и пороха. Так ничего и не увидев, Локи попятился, но дверь, что напротив с резким скрипом распахнулась. Удар был точен – прямо в затылок. Уже когда падал, ему почудилось, будто где-то совсем рядом невидимый оркестр заиграл вальс. Локи успел удивиться...

Темно...

* * *

Хорст Локенштейн не слишком опасался ареста. Каждое дело готовил тщательно, выверяя все детали, с собой же звал только самых-самых надежных, многократно проверенных. По мелочам не работал, шуба в гардеробе отеля – не его уровень. К тому же пропавшую шубу станут искать в тот же день, а бриллиантового кольца, подмененного на копию из стразов, могут и через месяц хватиться. Помешать способна лишь случайность – или хорошо, с умом, спланированная полицейская засада. Но парням из «крипо» сейчас не до отелей. Великий фюрер Германского народа Адольф Гитлер обещал изгнать преступность с улиц немецких городов. Карманников, незадачливых грабителей и просто пьяных хулиганов отправляли в Дахау под всеобщий глас одобрения. А в последнее время участились облавы на несознательную молодежь: «свинг-югенд», любители американского джаза, «шлурфы», «шлурф-кошки» и прочие идейно невыдержанные. На каждого – протокол, к каждому – персонального следователя. Таких, как Локи, тоже, конечно, искали, но без всякого азарта. Не убийца же он, в конце концов! Ну, кольцо, ну, сережки с изумрудами, ну, топазовая диадема из чемодана залетных «янки». Сушая мелочь – если сравнивать с величием Рейха.

Даже если старину Штурра раскололи и ссучили, все равно отвертеться можно. Преступление – это одно, намерение же – совсем иное. Читывали кодекс, знаем!

– Нет! Нет! Не-е-ет!

Двое держали за плечи, третий выворачивал карманы, а он все повторял и повторял, надеясь, что ему чудится. Да, чудится! Труп Ганса Штурра в луже крови прямо посреди бельевой, еще один – возле стены, а прямо под ногами, на полу – «парабеллум», обведенный толстой меловой чертой.

– Нет! Не-е-ет!

Полицейских четверо, трое в форме, один в расстегнутом пальто и котелке. На столе – бланк протокола, ручка с золотым пером, рядом – большое увеличительное стекло.

Вспышка! Еще одна!

Фотограф, опустив аппарат, кивнул тому, что в пальто. Криминальинспектор Шульц – это он уже успел запомнить. Пальто дорогой ткани, пухлые щеки, усики, как у фюрера...

– Герр...² Герр криминальинспектор! Я даже в комнату войти не успел, меня сзади ударили. Герр криминальинспектор, зачем мне кого-то убивать?!

Полицейский задумчиво поглядел на пистолет.

– Не убивали, значит? И «пальчики» на оружии не ваши?

Повернулся, ударил взглядом.

– А если найдем?

Локи перевел дух. Слава богу! Пусть ищут, пусть хоть носами роют, никаких «пальчиков» тут нет и быть не...

Острое шило вновь укололо уже не в живот, прямо в печень. Хорст замер. Его отпечатков на «парабеллуме» в самом деле нет, точнее не было и быть не могло. Но после удара он потерял сознание, а если так, то все прочее – дело техники. Вложить пистолет в руку...

Он поглядел на левую ладонь и увидел большое кровавое пятно. Попытался вытереть о брюки, но стоявшие по бокам полицейские не позволили.

– Кровь мы уже зафиксировали, – кивнул криминальинспектор. – Признавайтесь, Локенштейн, снимите грех с души. Может и зачтется, если не на суде, то у святого Петра. Ну?

– Я не виноват! Не винова...

Договорить не успел – кулак врезался в живот, точно туда, куда укололо шило.

– Нет! – прохрипел он, пытаясь вырваться из чужих рук. – Нет! Не виноват! Я не убивал!..

---

² Здесь и далее. В некоторых случаях обращения «мадемуазель», «мадам», «мистер» «миссис», «герр», «фройляйн», «фрау», «камрад», «сопрапо» оставлены без перевода.

Его снова ударили. Потом еще и еще.

3

– Нет-нет! – улыбнулась она. – Все в порядке, только спала плохо. С непривычки, наверно. Какой-то странный сон... Нет, не помню.

Солгала – помнила, сон был еще с нею, здесь, совсем рядом, в залитом утренним солнцем пассажирском салоне «Олимпии». За окнами-иллюминаторами – белые облака, над ними – густая небесная синева...³

«Худышка! Мисс Худышка!...»

Чужой страшный голос, костлявый желтый лик. И холод, словно каюта дирижабля стала семейным склепом. Тяжелый родовой герб над входом, мраморные плиты на полу. Под той, что слева – мама.

«Скоро встретимся, Худышка!»

Так назвал ее отец, капитан Джордж Фитцджеральд Спенсер. Его могила далеко, во Фландрии. Солдат Его Величества положено хоронить там, где их встретила Смерть. Могилы павших – памятник британской доблести.

Прозвище прижилось, Худышкой звала ее няня, а потом и близкая родня. Лишь для матери она всегда оставалась Палладией. Скромное Пэл, ставшее привычным со школы, дома не прижилось. Вдова капитана Спенсера берегла родовую честь.

«Вы – Палладия София Маргарита Спенсер, дочь моя. Не забывайте этого!»

Теперь напоминать некому. Она – Пэл, просто Пэл, если для своих, ни в коем случае не «леди». Впрочем, она уже и не Спенсер.

– Не следует забывать о здоровье, леди Сомерсет. Мой покойный муж очень любил шутить на эту тему, но кончилось все весьма печально.

Пэл постаралась не дрогнуть лицом. Угроздило! Для того и вышла в салон в раннюю рань – развеяться, уйти подальше от душного сна. Не повезло – столкнулась с соседкой, пожилой американкой, не забывшей даже в этот час надеть свои бриллианты. Класс «люкс», таких кают на «Олимпии» всего четыре, билет в цену неплохого авто. Ничего не поделаешь, дала слово мужу.

«Только классом «люкс». Мы – Сомерсеты, дорогая!»

Правда, насчет цеппелина уговора не было. Но как не соблазниться? Четыре двигателя «Даймлер-Бенц», скорость – за сотню километров в час, в баллонах – 200 000 кубометров водорода, регулярный рейсы Нью-Йорк – Лондон – Париж – Берлин. Вот он, настоящий XX век!

Муж едва ли оценит. Он, как и все потомство герцогов Бофорт, до сих пор думает, что живет при королеве Анне. «Наш девиз *Mutare vel timere sperno!*»⁴ Надо соответствовать, дорогая!»

С мужем, как и когда-то с мамой, Пэл не спорила. Сомерсеты – отъявленные тори, дядюшку Винни они дружно проклинали, когда тот перешел к либералам. «Такие, как твой дядя, голосовали за казнь короля. Предатель!»

Она поморщилась, отгоняя лишние мысли. Надо успокоиться, ночь была тяжелой, но сейчас утро, за окном – позднее октябрьское солнце. «Олимпия» скользит над облаками, мощно

---

³ Время действия книги – осень 1937 года. «Аргентина» – произведение фантастическое, реальность, в нем описываемая, лишь отчасти совпадает с нам привычной. Автор сознательно и по собственному усмотрению меняет календарь, географию, судьбы людей, а также физические и прочие законы. Исследование носит художественный, а не исторический характер.

⁴ «Презираю перемены и страх!» (Лат.)

гудят моторы, и уже завтра они будут в Лондоне. Невероятное время! Отец мечтал стать летчиком, даже успел подняться в воздух на чем-то, напоминающем огородное пугало...

Одно плохо – чудо сотворили немцы. Британия, когда-то слывшая «мастерской мира» ни о чем подобном не могла даже и мечтать. Дядя Винни в каждой речи требует увеличить ассигнования на авиацию, но строить будут истребители и бомбовозы, а не рейсовые цеппелины. Обидно! Даже если (когда!) с Гитлером будет покончено, в этом он останется победителем.

Отчет о поездке уже почти готов, осталось переписать набело. Нью-Йорк леди Палладия Сомерсет посетила не зря. Перед поездкой волновалась, боясь, что не справится. «Мне только-только исполнилось двадцать один, дядя Винни!» В ответ тот невозмутимо пыхнул сигарой. «Считай, Пэл, что я одолжил тебе полвека!»

Справилась!

Утро, солнце, небесная синева, ровный гул моторов. Страшный сон наконец-то поблек, теряя силу. День будет хорошим...

– Боже! – послышалось над ухом. – Бо-о-оже! Да что же это?

Соседка-американка прилипла носом к толстому стеклу. Пэл, лениво скользнув взглядом по неровной облачной гряде, лишь удивилась, но соседка оказалась настойчивой.

– Там! Там! – снятые с носа очки ткнулись в стекло. – Леди Сомерсет, леди Сомерсет! Это же они, они – марсиа-а-ане!

Очки ничуть не помогли, за иллюминатором – только небо и облака.

– Вы видели? Леди Сомерсет, вы видели?

Не видела, но если и удивилась, то не слишком. Марсиане и прочие выходцы с далеких планет нынче в моде. По кинотеатрам Нью-Йорка крутят новый фильм с Фрэнком Дугласом и Присциллой Лэйн, прилавки же киосков завалены «пальпом» в ярких обложках. Непобедимый Капитан Астероид с планеты Аргентина продолжает сокрушать Черного Властелина в титановой маске. А в штате Калифорния разразился настоящий скандал: секта «Свидетелей Монсальвата» призвала всех брошенных жен эмигрировать в космический город на орбите, где всех их проблемы разом решатся.

Шумное дыхание соседки почти заглушало голос моторов. Пэл, дабы не прослыть невежливой, начала сочинять подходящую к данному моменту фразу («Вероятно, они все-таки с Венеры, миссис...»). Не успела.

– А-ах! –дохнула горлом американка.

Черный силуэт рассек небо – слева направо, темной остроносой молнией. Пэл невольно отшатнулась, но сообразила быстро. Стреловидные крылья, прерывистый дымный след...

– Это самолет, миссис Фриман. Какая-то новая модель.

Нос отлип от стекла.

– А-а... А разве такие бывают? В прошлом году у нас проводили воздушный парад, там я ничего подобного не...

Снова! На этот раз «марсианин» вынырнул прямо из облака. Теперь он напоминал стрелу – черный наконечник на дымном древке. Прошел совсем близко, качнув острыми крыльями. Пэл успела заметить прозрачный колпак кабины и пилота в темном шлеме и очках...

– Ай! – совсем по-детски вскрикнула американка.

...Еще одна молния – ярко-желтая – прямо по курсу «Олимпии». Вторая, третья... четвертая. Пэл вспомнила о двух сотнях кубометров водорода над головой и почувствовала, как холодеют пальцы. Пройди молния чуть ближе...

Еще одна! Еще!

И тут завывла корабельная сирена – в полную мощь, до боли в ушах. Черная машина, словно услышав, резко повернула и устремилась вверх, в самую глубь небесной синевы. Голос сирены стих, вновь стал слышен гул моторов, чьи-то крики, по лестнице, ведущей на верхнюю палубу, пробежали двое в белой авиационной форме.

– Я... Я сердечное не захватила! – растерянно проговорила соседка. – Леди Сомерсет! Леди Сомерсет! Что... Что это было?

Пэл щелкнула замком сумочки.

– У меня, кажется, есть, не волнуйтесь.

* * *

В каюте Пэл первый делом схватила блокнот и цанговый карандаш, открыла наугад страницу, подумала немного – и отложила подальше. Потом все нарисует и стреловидный силуэт среди облаков, и прерывистые трассы прямо по курсу цеппелина, и профиль летчика в черном шлеме. «Олимпия» – территория Рейха, вещи перед посадкой могут обыскать, с нацистов станется. И допрос могут устроить прямо в поднебесье. Жалуйся потом в Лигу Наций!

...Лекарство из сумочки не помогло, к впечатлительной американке пришлось вызывать врача. В последний момент Пэл успела дать соседке весьма разумный совет: если спросят, все следует валить на сирену. Прогуливались по салону перед завтраком и тут, ни с того, ни с сего... Видеть же – ничего не видели. Только облака за иллюминатором.

«Иначе в Рейх увезут, – шепнула Пэл на прощание. – А ваш покойный муж – еврей!» Американка, проникшись, торопливо закивала.

Промолчит!

На завтрак идти не хотелось, и Пэл решила обойтись чашкой кофе в баре, и не сейчас, а несколько погодя. Взяв со столика листки с отчетом, взглянула без особой радости. А если и вправду обыщут? И спрятать негде. Но отчет, если что, и по памяти восстановить нетрудно, однако на самом дне чемодана лежит три письма в конвертах без подписи...

Но об этом можно будет подумать после кофе, до Лондона – еще несколько часов лету. А пока – записать то, с чего и следует начинать отчет.

Пустой белый лист, карандаш в руке... К войне готовятся многие, но развяжет ее самый нетерпеливый. Кто именно? Можно подсчитать.

* * *

В самом верху – цифра «60» в неровном кружке. Именно в таком возрасте, если психологам верить, политики делают решительный шаг в своей карьере. Для главы крупного государства это чаще всего – война. Оружие, экономика, порядок в стране, все это важно, но без приказа свыше ничего не начнется. 60 лет – пора входить в Историю.

Ниже – «20 апреля 1889 г.». Адольфу Гитлеру в этом году исполнилось 48.

«30 января 1882 г.» – еще ниже. Франклину Делано Рузвельту – 55.

Карандаш начал следующую строку. «21 декабря 1879 г.». Зачеркнул. Сталин старше их всех, но России сейчас не до войны. Как и Франции, громоздящей свою линию Мажино.

Гитлер здоров (желудочные колики не в счет), Рузвельт тяжело болен, как бы ни храбрился. Ему осталось не так много, и президент это знает.

Кто начнет первым?

Задача казалась очень простой, как и решение. Но карандаш, чуть дрогнув, одолел новую строчку.

«30 ноября 1874 г.»

Доброму дяде Винни скоро исполнится 63.

4

«Зеленая Минна» резко затормозила, и Лонжа с трудом сумел удержаться, ухватившись свободной рукой за деревянную лавку. Сидевший рядом конвоир, от души выругавшись, ткнул кулаком в бок.

– Вставай, расселся тут. Не в такси!

На левой руке – стальной браслет, второй защелкнут за кольцо, ввинченное в скамью. Не встанешь, можно лишь приподняться. Конвоир, сообразив, выглянул наружу.

– Приехали! Отель «Плетцензее»!..

И тут Лонжа впервые удивился. Отель знакомый, бывать приходилось, даже собственный номер сразу вспомнился – 445-й. Но почему сюда? Плетцензее – пересылка, в эту тюрьму дорога тем, чьи дела закончены. Он не ждал суда, но все случилось как-то слишком просто. Ночь продержали в каком-то подвале, потом – кабинет «почти родственника», снова подвал, но ненадолго.

«Ваша судьба – лагерь и печь крематория». Значит, все?

Резкий щелчок – запястье свободно. Со стуком открылся задний борт.

– Па-а-ашел!

Спрыгнув вниз, Лонжа невольно зажмурился, прикрывшись ладонью от яркого утреннего солнца. Конвоир, продолжая ругаться, спускался вниз, цепляясь руками за борт. Карабин свешивался с шеи. Тот еще вояка!

Двор он узнал. Прошлый раз Лонжа стоял здесь под холодным мелким дождем в шеренге таких же, как он, будущих постояльцев. Время от времени в ворота въезжала очередная «Минна», открывался борт, конвоиры выталкивали новых гостей.

– ...Рихтер, – донеслось сзади, – Пауль Рихтер, Губертсгоф...

Конвоир заполнял бумаги, обычная процедура. Но... Почему он, Август Виттельсбах – Рихтер? Паспорт, когда-то одолженный у растяпы-циркового исчез в лагерной канцелярии, при аресте у него были документы совсем на другое имя.

– Рихтер? – ударило над самым ухом.

Лучше не спорить.

– Пауль Рихтер, эмигрант. Номер 445!

Охранник, плечистый верзила, в знакомой серой форме взял за плечо, развернул.

– Нет, – бросил беззлобно. – Номер другой будет. Ну, чего стоишь, эмигрант? Пошел!..

Голос показался почему-то знакомым, но, чуть подумав, Лонжа рассудил, что все тюремщики одинаковы, что статью, что ликом, что голосом. Куда идти, помнил – дверь напротив ворот, второй этаж – канцелярия, на первом – душ с хлоркой. И булыжник под ногами знакомый, топтанный. Все и вправду – по кругу, как напомним ему сон.

Ничего, прорвется!

Он сцепил руки за спиной, и неслышно, без голоса, задышал:

Нет мыслям преград,
Они словно птицы
Над миром летят,
Минуя границы...

Вот и лестница, дальше – направо и вверх. В канцелярии можно будет узнать, отчего он до сих пор – Рихтер, и почему попал именно сюда. После разговора в кабинете Лонжа был уверен, что «черные» его не отпустят. А здесь – никого из СС, сплошная серость.

Ловец не поймает,
Мудрец не узнает,
Будь он хоть Сократ:
Нет мыслям преград!..

– Стой! – негромко прозвучало сзади.

Лонжа остановился и удивленно взглянул вверх. Тюремные правила он помнил. Если «стой!», значит впереди кто-то чином повыше. «Стой! Лицом к стене!..» Но лестница пуста.

– А я тебя, Рихтер, сразу узнал. Помнишь, от кого привет должен был передать?

Лонжа глубоко вздохнул. Недаром почудилось, что голос знакомый.

– От старины Гроссштойсера. Гросс-штой-сера. Я передал, спасибо!

– Да на здоровье! – хмыкнули сзади. – Только больше никому не передавай. Все пароли отменены, считай, у нас чрезвычайное положение. Откровенничай только с теми, кого хорошо знаешь, и то прежде три раза подумай. Кстати, я тут не случайно, тебя же прямиком из «зипо» привезли, вот и решил полюбопытствовать. Как о тебе передать?

Оборачиваться не следовало, но он все же решился.

– Я – Лонжа, и я живой. Так и скажи.

– Понял, – громила весело подмигнул. – А ты поосторожней, Лонжа, я тебя к такой змеюке веду, что яду на батальон хватит. Ну, пошли, а то увидят еще.

Лестница внезапно показалась очень короткой, ступени сами ложились под ноги. Что бы ни случилось, он – жив. Прошел один круг, значит и второй одолеет.

Меня не запрут
Подвальные своды,
Напраснейший труд —
Мне вдоволь свободы.

* * *

Сначала он увидел фуражку, самую обычную офицерскую. Ничего особенного – зеленая ткань, черный козырек, вот только была она не там, где положено. Вместо того чтобы висеть на крючке рядом с шинелью или красоваться на хозяйской голове, фуражка устроилась прямо посреди стола, поверх бумаг. Хозяин, обещанная «змеюка» был тут же, за столом. Папироса в руке, в другой – маленькая чашка кофе.

По всем правилам следовало рапортовать прямо с порога, но Лонжа замешкался – узнал. В последний раз виделись на лесной просеке. Автомат «Суоми» в руках, серый силуэт в прицеле. Тогда он промахнулся.

Да, все такой же, только погоны...

– Здравствуйте, господин майор. Стало быть, с повышением!

Ответом был кислый взгляд. Серый гауптман, обернувшийся столь же серым майором, с негромким стуком опустил чашку на блюдце.

– А знаете, Рихтер, я на вас не в обиде. Напротив, ставлю курсантам в пример. Умеете выживать!

Затянулся папиросой, на стул кивнул.

– К полякам ушли? Можете не отвечать, сейчас не это важно. Сколько вас уцелело?

– Уцелело – не знаю, – честно отрапортовал дезертир Лонжа. – Ушли девятеро, если со мной считать. Раненых не было, оружие у всех, только с патронами беда.

Майор кивнул, вполне удовлетворенный, пошелестел бумагами.

– С этим ясно. А меня, Лонжа, вытаскивать пришлось, двоих раненых бросил. Застрелить – рука не поднялась, свои парни, проверенные. Не вышли, там остались. Но приказ мы выполнили, а это главное...

Нашел нужный листок, поднес к глазам.

– После ареста вас привели прямо к Гиммлеру. За какие такие подвиги?

Лонжа уже понял – не знает. Для «серого» он по-прежнему – американец Рихтер. Но все же лгать не стал.

– Рейхсфюреру доложили, что я – Его Величество Август Виттельсбах, король Баварии.

Майор взглянул странно.

– В самом деле?

Порывшись в бумагах, достал сложенную вчетверо газету, передал через стол. Лондонская «The Sunday Times», 3 октября, напечатали, когда он уже перешел границу. Через всю страницу крупным тяжелым кеглем: «Король Баварии обращается к миру». И фотография прямо посредине.

...Отцовская. Рупрехт Мария Луитпольд Фердинанд Виттельсбах, AD 1893. Ретушер слегка подработал костюм.

Майор забрал газету, взглянул сам.

– А знаете, вы похожи, Рихтер. Теперь все понятно. Считайте, что в очередной раз повезло. Мы узнали об аресте сразу и дали запрос, вы ведь по нашему ведомству числитесь. А так бы «черные» вас и пристрелить могли – от огорчения.

– Я вообще везучий, – охотно согласился Лонжа. – Рейхсфюрер пообещал мне концлагерь и печь.

«Серый» кивнул:

– В его стиле. Но сейчас важно другое – что обещал вам я.

И тут Лонжа действительно удивился. Что им, «ублюдкам», обещали? Да ничего. Смерть – или обратно в «кацет», ему лично – тот, что с крематорием. Но внезапно вспомнилось: холодный ночной лес, поляна, люди в польской форме без знаков различий.

«Уцелевшие по возвращению в Рейх получают свободу и будут награждены. Даю слово офицера!»

* * *

– Свое слово я держу, Рихтер. К тому же такой везучий, как вы, нам еще пригодится. Но учтите: малейшее нарушение правил и вас отправят обратно в «кацет». Только не довезут, дорогой пристрелят. Вопросы?

– А «черные»... СС меня не пристрелят? От огорчения?

– Меньше попадайтесь им на глаза, Рихтер. Огорчаться им сейчас не с чего – Августа Виттельсбаха все-таки арестовали, настоящего я имею в виду. Кажется, начинаю понимать! Вы пытались его спасти, назвались королевским именем... Увы, сходства для этого мало, королем нельзя притворяться – королем нужно быть. Кстати, моя матушка из Баварии.

– Augustus rex plures non capit orbis!⁵

– Еще одно слово, Рихтер, и я пристрелю вас прямо сейчас. Хватит и того, что некий Агроном задумал повернуть с... Вы еще здесь, Рихтер? Убирайтесь, а то вспомню, как вы в меня целились. Кстати, у вас был тогда «Суоми». Где, интересно, вы его подобрали?

5

Локи не слишком боялся боли. Научился терпеть, да и с тех пор, как вырос, ничем серьезным не хворал. Ну, зуб заносит, верхний справа, ну, живот прихватит. Но это редко и не слишком надолго, Хорст за здоровьем следил и даже время от времени читал медицинские журналы. Двойная польза: и много интересного узнаешь, и для работы полезно. Пару раз, готовя очередное дело, он успешно представлялся провинциальным студентом-медиком. Дамы в годах сразу же проявляли интерес.

Зарядка по утрам, алкоголь пореже, побольше витаминов и восемь часов здорового сна. А вот спортом никогда не увлекался, вначале некогда было, а потом из журнальных статей узнал, что такое профессиональные болезни спортсменов. Воспаление связок, васкулиты, флебиты, перегрузка позвоночника... Ну их всех!

---

⁵ Что это означает, читатели могут узнать в четвертой книге цикла – «Лонжа».

Боль – это ненадолго. Смерть же дело иное, она навсегда.

...Смерть по имени Война забрала трех братьев отца, одного за другим. Хорст их не помнил и помнить не мог – родился в 1915-м, в самый разгар. Отец, начальник городской почты, с Войной разминусь, но Смерть все равно пришла в семью – в 1919-м, уже после поражения. Теперь ее звали Испанка. Сначала Смерть забрала старшую сестру, потом маму, и, наконец, добралась до самого Хорста. Выжил, но навсегда запомнил страшные дни невесомой пустоты, когда мир заволочло сперва серым дымом, а потом пришла тьма. Смерть звала его чужим именем, но у мальчика хватило сил не откликнуться.

Выжил...

Потом Смерть заглянула еще раз. В 1923-м застрелился дядя Франц, мамин брат. Одноногий инвалид, унтер-офицер с Железным крестом, не захотел голодать и унижаться.

От Смерти Хорст и уехал. В отцовском доме было пусто и тоскливо, Локенштейн-старший потерял работу и пил, а потом сошелся с такой же пьющей соседкой, вдовой с тремя детьми. Когда в 1929-м сын заявил, что уезжает в Берлин к дальним родственникам – счастья попытать, бывший почтмейстер не стал возражать. Был бы трезвым, может и запретил, – Хорст даже не закончил школу. Но бутылка дрянного яблочного шнапса опустела уже наполовину, и старший Локенштейн лишь рукой махнул:

– Поезжай!

В Берлине было весело и очень интересно. Смерть осталась где-то далеко, за горизонтом, а вокруг кипела жизнь, да такая, что ввек умирать не захочешь. Ни к каким родственникам Хорст не поехал, а устроился в отель. Не в «Адлон», конечно, но тоже не в последний – «Курфюрстендам», что на одноименной площади. Взяли обычным посыльным – подай, принеси, спасибо, пошел вон. Жалованье, конечно, смех, но – возможности, а главное – перспективы! Тогда-то и окрестили его новые приятели прозвищем из давнего мифа. Был Хорст-пруссачок – стал Локи, свой в доску парень.

Но Смерть нашла Хорста и там. Сначала зарезали Блица, его учителя в тонкой воровской науке. Ловок был Молния, ни единого разу не попался «быкам», но как-то в недобрый вечер сел играть в карты «по маленькой» не с теми людьми. Расплатиться не смог и угодил прямиком на нож. А через год поделщик Локи со смешной кличкой Фингер сдуру да пьяных глаз пошел на «мокрое». На адвоката скинулись всей компанией, только не помогло. Следствие, скорый суд, гильотина в Плетцензее. Чик по горлу и нет на свете Пальца.

В карты Локи играть бросил, оружие в руки не брал из принципа. Даже карманный нож с собой не носил.

* * *

До полицейского авто он дошел своими ногами, хоть и крепко досталось. Главное уже понял: кто бы ни прикончил старину Штурра с его дружкой, дело шьют ему, Хорсту Локенштейну. Почему – пока не важно, плохо, что шов больно крупный и нитки суровые. Взяли на месте, считай, у лужи крови, а если еще и с «пальчиками» нахিমичили...

О таком в их узком кругу толковали. «Быки» и без того нелюди без совести и чести, а если их, к примеру, начальство прижмет или газетчики оплевывать начнут! Убийцу из Дюссельдорфа, о котором потом даже фильм сняли, найти так и не сумели, зато невинного человека подставили. Наверняка тоже били, а, может, что похуже придумали. Главное, протокол подписан, а потом хоть кричи, хоть волком вой.

...И везут не в районный комиссариат, не в городской даже, а куда-то еще. Ясное дело, от чужих глаз подальше, чтобы ни один глазастый репортер не заметил. Когда же свернули к Темпельгофу, Локи окончательно понял, что пропал. В «Колумбию»! Бывшая следственная тюрьма и сейчас числилась таковой, но славу имела жуткую. В 1933-м ее взяли под контроль штурмовики, потом их сменили «черные» СС, и попадали туда не за честное воровство, а за «политику», чтоб она пропала.

Локи закрыл глаза и прикусил язык. Молчать!

* * *

– Ваше признание, Локенштейн, не требуется. Улик – на три приговора. О вас же забочусь. Сами знаете, чистосердечное признание, искреннее раскаяние... Суд обязательно учтет. Могу процессуальный кодекс показать.

В голосе криминальинспектора Шульца – мед, но уж больно кислый, с прогорклым вкусом. Локи попытался отвернуться...

Удар! Прямо в лицо!

Сидевший рядом с Шульцем квадратного вида полицейский подул на кулак.

– Может, вы и не так уж и виноваты, Локенштейн. Их было двое, возможно, они первые напали. Вы защищались, правда? Пистолет лежал на столе, вы его схватили...

Квадратный вновь дернул кулаком. Локи облизнул разбитые губы, прикрыл глаза.

– Может, даже стрелять не думали...

Удар! На этот раз – в скулу, что есть сил. Хорст покачнулся, но чужая рука подхватила, не позволив упасть.

– На меня смотрите, Локенштейн, на меня! Вам же помогаю, а вы не цените.

За окном – позднее утро, допрашивают уже не первый час. Время от времени криминальинспектор куда-то уходит – по начальству доложить или просто кофе выпить. Остается квадратный, этот ни о чем не спрашивает, просто бьет.

– Один из этих двоих, извиняюсь, «уранист»... Ну, который с мужчинами, понимаете? Он к вам не приставал? Может, он и пистолет достал, а вы оружие у него выхватили – и...

На столе – свежие, только что из кюветы, фотографии. «Пальчики» – на оружии, на столешнице, на стене у входа. Его, Хорста Локенштейна, «пальчики».

– У нас и свидетели есть. Горничная в соседней комнате белье раскладывала и выстрелы слышала. Испугалась, конечно, но потом храбрости набралась и в коридор выглянула. Я же говорю: ваше признание не нам требуется – вам самим!

Локи, не удержавшись, дернул улыбкой разбитый рот. Мягко стелешь, начальник, только врешь! Требуется его признание, иначе бы не старался, словеса не плел. Не признается сейчас, сходу – поведут к начальству повыше, да и прокуратура человечка своего пришлет. Дело-то «мокрое»! А прокуратура с «крипо» давно на ножах.

Криминальинспектор Шульц поморщился.

– Ну, как хотите. Только потом не жалуйтесь.

И поднял телефонную трубку.

* * *

– Шутки кончились, Локенштейн. Ты сейчас не только протокол подпишешь, но и собственноручное, на десяти листах красивым почерком...

У квадратного «быка» прорезался голос. И взгляд стал иным, острым, словно памятное шило.

– А что писать, я сам тебе скажу. Понял? Кивни и все хорошо будет. Ну?!

Комната другая, поменьше и с решетками на окнах. Из мебели – пустой стол, стулья и шкаф у стены. А «кивни» – потому как тряпка во рту. Плотно забили, не выплюнешь.

«Быков» четверо. Даже не шелохнешься.

Квадратный, кивка не дождавшись, вздохнул:

– Вот так всегда. Не слушают, не хотят по-доброму! А потом плакать начинают.

Подошел к шкафу. Дверцу отворив, заглянул внутрь, рукой пошарил. Есть! Бутылка – из под шампанского темно-зеленого стекла. Пыльная, не иначе с прошлого Рождества осталась.

– Начинайте!

Локи замычал, дернулся, только держали крепко. Сперва – кулаком в живот, чтобы дух лишний выбить, потом – лицом в столешницу. Чьи-то пальцы заскользили по поясу, расстегивая пуговицы на брюках. Вот и бутылка – под самым носом.

– Ты еще девственник, Локенштейн? Сейчас мы это исправим. Нравится инструмент? Ногами только не дрыгай, большее будет.

Локи собрался с силами, втянул ноздрями горячий воздух, напрягся, пытаясь вырваться. «Быки» дружно рассмеялись, чья-то ладонь звонко шлепнула по задку.

– Не дергайся, дурочка, тебе понравится!

Он замычал, выталкивая языком кляп, дернулся, уже не помня себя, освободил на малый миг ноги, но сверху опять навалились, прижимая к холодной столешнице.

– Сейчас ввинтим!..

А потом была боль – много боли, красное марево перед глазами, чужой гогот в ушах, пока, наконец, не пришла спасительная тьма.

6

К ней подошли уже над Хитроу, когда «Олимпия» борясь с сильным восточным ветром, сумела с третьей попытки зацепиться за причальную мачту. Построили всего полгода назад – специально для немецких цеппелинов. Знающие люди шептались, что таково было желание самого короля Эдуарда, Восьмого сего имени. Монарх покинул трон, но договоренность осталась в силе, серебристые «сигары» после долгого пути над океаном теперь навещали Лондон. Рейс Нью-Йорк – Хитроу быстро вошел в моду.

Дирижабль закрепили, пассажиры, летевшие до Лондона, собрались в прогулочном салоне, однако дальше их не пустили. Крепкие парни в светлой форме стали на пути к трапу. Вначале никто ничего не объяснял, текли минуты, но вот сверху по сверкающей алюминиевой лестнице спустился офицер в тяжелой фуражке. Улыбнулся, приложил руку к козырьку.

– Стандартная процедура, леди и джентльмены! Это не займет много времени.

Вновь улыбнулся и безошибочно нашел взглядом Пэл. Та невольно подалась назад. Отчет лежал там же, где и письма – в красном, крокодиловой кожи, чемодане. Не уничтожила, да и, если подумать, не смогла бы. Спички и зажигалки отобрали еще при посадке, а самые мелкие обрывки всегда можно собрать.

– Леди Сомерсет? Не могли бы вы пройти со мной?

Вот он уже рядом, который при фуражке. И снова улыбка.

– Не станете же вы задерживать своих земляков? Мы, конечно, виноваты, только сейчас смогли разговорить госпожу Фриман. Решусь заметить, что вы дали ей опасный совет...

Улыбка исчезла. Глаза смотрели в глаза.

– Это ненадолго, леди Сомерсет. Вы нам расскажете, что вы видели этим утром и ответите на некоторые вопросы...

Подошли еще двое в такой же форме, стали по бокам. Кто-то из пассажиров, истинный британец, попытался вмешаться, но его без особой вежливости отодвинули в сторону.

– Итак, леди Сомерсет? Вы согласны пройти добровольно?

Пэт сглотнула. Если не станут досматривать вещи, беда невелика. А если...

– За ваш чемодан не волнуйтесь, мы захватим его с собой.

Ясно...

Она беспомощно оглянулась, понимая, что выхода нет. Сейчас ее просто уволочут, а потом составят документ о сердечном припадке. Или о внезапном приступе болотной лихорадки, если фантазии хватит. Знала бы, сразу бы отправила радиogramму по нужному адресу.

– Господа, господа! Не волнуйтесь, все в полном порядке.

Капитан! В таком же белоснежном мундире, но годами заметно старше. Приложил ладонь к фуражке, кивнул многозначительно. Подчиненные, сообразив, поспешили отойти подольше, и Пэл перевела дух. Неужели передумали?

Между тем, офицеры, о чем-то быстро переговорив, устремились к входному люку. Еще миг назад он был закрыт, теперь же – настезь. Приставлена лестница... Вот уже кто-то показался в проеме... Репортер? Нет, сразу двое, с блокнотом – один, с фотоаппаратом на шее – другой. А за ними...

Пэл захотелось протереть глаза. Не может быть!

Высокий элегантный мужчина лет сорока в легком осеннем пальто. Шляпа-котелок в руке, белый шарф на груди, задорная щеточка усов под породистым носом. Капитан уже рядом, ладонь у козырька. Рукопожатие...

Стоявшие рядом соотечественники зашевелились, принялись переглядываться. Узнали!

Сэр Энтони Иден, 1-й граф Эйвонский, министр иностранных дел, прошел на середину салона. Безупречная, выверенная годами улыбка, расправленные плечи. Правая ладонь – вверх.

– Леди и джентльмены! По поручению Правительства Его Величества я прибыл лично засвидетельствовать свое уважение отважному экипажу «Олимпии», а также приветствовать наших дорогих гостей и моих соотечественников. Добро пожаловать в Соединенное Королевство!..

Вспышка! Репортер опустил фотоаппарат. Министр, быстро оглядевшись, отыскал взглядом леди Сомерсет и вновь улыбнулся – уже персонально ей.

На летное поле удалось спуститься без проблем. Ошеломленные немцы только и могли, что поглядеть вслед. Но возле последней железной ступеньки Пэл уже дожидались два молодых человека в штатском и без особых примет.

– Леди Сомерсет? Сэр Энтони поручил передать, что будет очень рад, если вы задержитесь на несколько минут.

На этот раз Пэл не возражала.

* * *

Бойкие репортеры наверняка очень хотели узнать, о чем беседуют министр Его Величества и молодая симпатичная пассажирка. Не вышло – все те же в штатском стали плечом к плечу, заступая дорогу.

– Ваш дядя позвонил мне в семь утра – сказал, что у него предчувствие. А потом мы перехватили разговор экипажа с Берлином. Я не зря приехал, леди Сомерсет?

– Вы приехали не зря, сэр Энтони. Значит, в семь утра... Предчувствие – хороший агентурный псевдоним! Я все подробно расскажу, сэр Энтони, но перед этим вам следует позвонить в Министерство авиации. Самолет, похожий на наконечник стрелы, двигатель, вероятно, реактивный...

– Уже позвонил, леди Сомерсет. Два дня назад что-то похожее видел экипаж «Гинденбурга» над Атлантикой.

– И тоже стреляли?

– И тоже стреляли.

* * *

Прежде чем накинуть китайский халат с драконами, подарок мужа, Пэл без охоты взглянула в зеркало. Увиденное не удивило, но и не слишком обрадовало. И с чего? До неприличия худая женщина с длинной шеей, колющие ключицы, втянутые щеки, острый крючковатый нос – родовая примета, гордость семьи Спенсеров. Все это бы приодеть, присыпать пылью – да на фамильный портрет позапрошлого века. Няня уверяла, что ее Худышка вырастет красавицей. То ли ошиблась по душевной доброте, то ли просто хотела утешить. Как изящно выра-

зился супруг: «Жена не имеет внешности, дорогая!» Пэл и не думала спорить – внешностью это назвать трудно.

«Sembri una gazzella, Palladia!»⁶ – польстил, не слишком подумав, ее единственный любовник. «На чучело газели», – поправила она. Итальянец, что с него взять!

Она вышла из ванной и нерешительно оглянулась. Налево? Направо?

В квартире царила гулкая пустота. Муж, служивший в ведомстве сэра Энтони, еще не вернулся из очередной заграничной командировки, прислугу она отпустила, гостей же сегодня не предвиделось, впрочем, как и завтра, и послезавтра. С приятелями и сослуживцами супруг предпочитал общаться в клубах. У Пэл друзей в столице, считай, и нет. С родственниками же, что со Спенсерами, что с Сомерсетами, она встречалась лишь по большим праздникам.

Лондон – чужой город. Детство прошло в Оксфордшире, в родовом гнезде, потом – закрытая школа-интернат «не для всех» в маленьком Вудстоке, два года назад – свадьба. Вот, собственно, и все, 21 год – не слишком много.

«Худышка! Мисс Худышка!..»

Длинный коридор, белые лепные потолки... Направо их супружеская спальня, огромная, с нелепыми картинами по стенам. Свекровь, леди Сомерсет-старшая, лично занималась дизайном. У Пэл хватило ума не спорить, хотя спальня по ее мнению больше напоминала офицерское собрание провинциального гренадерского полка. После прошлогоднего объяснения с мужем Пэл бывала там редко.

Налево!

Когда после свадьбы они вселились в только что отремонтированную квартиру, Пэл обнаружила, что комнат для прислуги там целых три. Столько не требовалось, и одну Пэл без особых колебаний забрала себе. Муж, имея умеренно-прогрессивные взгляды, не возражал. Почему бы леди Спенсер не иметь свой собственный кабинет? Вполне в духе времени.

Кабинет Пэл устраивать не стала. Незачем! Узкая койка, тумбочка, стол и кресло – почти один в один ее комната в интернате. По стенам – акварели, ее собственные, тоже школьных времен. Зеленые луга, старинные дома под черепичными крышами, автомобили на проселочных дорогах. В те годы казалось, что жизнь будет очень долгой и непременно счастливой.

Она закрыла дверь, и присела на койку, на которой лежал еще неразобранный чемодан. Вот и вернулась! Бумагами можно заняться вечером, тогда же подобрать платье и шляпку для завтрашнего визита, к врачу – послезавтра. А сейчас...

Бутылка виски ждала в тумбочке. Ничего особенного, обычный односолодовый «Гленфиддих» из шотландского Дафтауна, 15 лет, вкус меда и хереса. Коллекционные изыски Пэл не признавала. Алкоголь – всего лишь одно из лекарств, не самое противное. Не нужно ни содовой, ни родниковой воды, ни особого бокала. Хватит и стаканчика, как раз на несколько глотков. После сегодняшнего – в самый раз.

Но прежде чем выпить, Пэл взяла со столика свой личный календарь. Сама и склеила, поработав ножницами над несколькими, купленными в киоске. На стену не вешала – в комнату мог ненароком заглянуть супруг.

«Мне очень жаль, что все сложилось именно так, дорогая!»

Лист плотной бумаги, на самом верху три цифры: 1936, 1937, 1938. Первая перечеркнута карандашом, после третьей – большой вопросительный знак. Ниже три годовых календаря, поверх первого – большой чернильный крест. Иное на втором, текущем – мелкие пометки, некоторые дни обведены то красным, то синим. Последний пока чист. В самом низу цветная репродукция из журнала: Клузоне «Пляска смерти», люди и скелеты вперемешку.

Отпив глоток, Пэл вновь взглянула на календарь. День прошел, новый начался. Год, считай, на излете.

---

⁶ «Вы похожи на газель, Палладия!» (Итал.).

«Худышка! Мисс Худышка!..»

7

Поезд притормозил на очередной станции, и Лонжа привстал, чтобы взглянуть в окно.

– Не положено! – буркнул один из конвоиров, рыжий веснушчатый и очень серьезный унтер. – Куда надо, туда и едем!

Второй, постарше и без особых примет промолчал, но взглянул хмуро.

Выглядывать не имело смысла. Тронулись с Центрального вокзала, миновали Потсдам и Бранденбург, значит впереди Магдебург, откуда пути расходятся во все стороны. Велика ли разница, что тот «кацет», что этот! Удивил лишь конвой, не тюремный – военный, в «фельдграу».

Стояли недолго, не больше пяти минут. Свисток паровоза и снова колесный перестук. Слова серого майора о свободе Лонжа не принял всерьез. Не верь, не бойся, не проси! Ясно, что не выпустят. «Считайте, что в очередной раз повезло». Для таких везучих наверняка оборудовали особый лагерь с тройной охраной.

С лагерями, впрочем, ясности не было. Пресса Рейха молчала, но французские газеты сообщили, что по «кацетам» идет тихая, нигде не разглашаемая амнистия. Выпускают тех, у кого срок не больше года, причем не уголовных, а «политиков». Строительство новых лагерей прекращено, старые же пополняют зелеными «винкелями» – уголовной братвой. Знающий комментатор назвал даже общее число заключенных – пять тысяч, в два раза меньше, чем в прошлом году. Кто-то даже предположил, что нацисты начали постепенно цивилизоваться...

Среди намеченных к закрытию «кацетов» был и Губертсгоф. Лонжа не поверил – уж слишком капитально там все строилось. Скорее всего просто переименуют, то ли в филиал того же Заксенхаузена, то ли в просто пересылочный пункт.

Великий фюрер Германской нации затеял очередную игру. Неспроста! Наверняка не может забыть о судьбе Муссолини. Волчий хвост спрятали в кладовку, сменив на лисий.

– Эй, дезертир, нам на следующей, – глядя по-прежнему в сторону, сообщил рыжий. – Приготовься.

Лонжа невольно вздрогнул. Дезертир? Откуда им знать?

– О самоволках можешь забыть, – не преминул добавить тот, что без примет. – Мы сюда самых прытких возим.

– Почему – дезертир? – не удержался он.

– Да на себя посмотри!

Вначале Лонжа не понял, а потом решил последовать совету. Итак, купе, двое конвоиров из Вермахта, не из тюремщиков, и он, в помятом костюме, без пальто и шляпы. Призывного возраста, стрижка короткая...

Он чуть не рассмеялся. Значит, для этих двоих он – обычный солдат-самовольщик, причем не злостный, таким место в военной тюрьме. А просто «прытких» переводят в часть, где режим пожестче и командир позлее.

А если все вместе сложить?

– На выход! – скомандовал унтер, в очередной раз поглядев в окно. – Руки сзади держи!

На платформе конвой продолжал бдить. Лонже было велено стоять лицом к рельсам и не вертеть головой. Тот, что без примет, остался рядом, держа карабин наизготовку, унтер же отправился куда-то в сторону станционного здания. Минуты тянулись, ничего не происходило, и Лонжа в очередной раз констатировал, что героя из него не получится. Сейчас бы выхватить у конвойного карабин, махнуть прямо через пути в сторону редких деревьев... Герою ни к чему думать о том, что даже если побег удастся, без документов и денег далеко не уйдешь.

«Как о тебе передать?» Если весточка дойдет, будет легче. Шажок, еще шажок, еще, еще...

Нет, не герой.

– Пошли, дезертир! Там по твою душу приехали.

Оказывается, рыжий унтер уже успел вернуться. Идти пришлось недалеко, мимо станционного здания и водокачки, за которой начиналась то ли площадь, то ли просто большой выгон. Дальше – дорога, обычная грунтовка, а посреди выгона – военный грузовик под тентом. А перед грузовиком...

– Стой! Ждать здесь!..

Унтер поспешил к тому, кто стоял возле кабины, достал из планшетки документы, принялся что-то объяснять. Лонжа... Нет, дезертир Лонжа между тем прикидывал, не ущипнуть ли себя за ладонь. Вдруг чудится?

Унтер, закончив со сдачей-приемкой подконвойного, нетерпеливо махнул рукой:

– Сюда, Рихтер! Поступаешь в распоряжение!..

Больше ничего объяснять не стал, да и не было в том нужды. Лонжа, подивившись всей невероятности происходящего, шагнул к грузовику. Нет, не к грузовику, к Столбу – дезертиру Столбу в новой аккуратной форме, с погонами согласно чину и незнакомой треугольной нашивкой на рукаве.

Не доходя двух шагов, остановился.

– Здравствуйте, господин обер-фельдфебель.

Специально не по уставу, дабы послушать как рыкнет.

«Цир-р-рковой?»

Господин обер-фельдфебель рычать, однако, не стал. Проводив долгим взглядом унтера, вздохнул со значением.

– Ну, здравствуйте, Рихтер.

Протянул руку, пожал крепко, улыбнулся кончиками губ. Вроде и не сказано ничего, а все ясно.

– А что за треугольник у вас? – без особой нужды поинтересовался дезертир Лонжа. – В Вермахте уже «винкели» начали цеплять?

Столб покачал головой:

– Это у вас шутка юмора такая, Рихтер? Узнаете, когда и вам нацепят. А сейчас... Р-р-равняйся! Смир-р-рно! Гефр-р-райтер Р-р-рихтер! Пр-р-риведите себя в пор-р-рядок и – мар-р-рш в кузов!

– Кто гефрайтер? – растерялся Лонжа, но вместо ответа узрел начальственный кулак.

* * *

В кузове обнаружили, как и следовало ожидать, деревянные скамьи, на которых сучили двое в такой же, как у Столба, форме с треугольниками на рукавах. Увидев Лонжу, один лениво взмахнул рукой:

– Сервус⁷, камрад! Падай!..

Второй лишь молча кивнул. Лонжа присел рядом и взялся руками за скамью. Вовремя! Грузовик, зарывав пострашнее, чем герр обер-фельдфебель, бодро тронулся с места. Несмотря на шум говорить было все-таки можно, чем сразу же воспользовался общительный сосед.

– Новенький? А к нам за какие грехи?

Лонжа лишь пожал плечами. Много их, все и не упомянуть.

– В кинотеатре курил, камрад? – внезапно поинтересовался второй. Разговорчивый предостерегающе поднял руку, но Лонжа лишь усмехнулся.

---

⁷ «Servus» – приветствие, и прощание на юге Германии, в Австрии и странах, входивших ранее в Австро-Венгрию. Происходит от латинского servus (раб). Приветствие дословно обозначает «я твой слуга», к «твоим услугам».

– Не тайна, во всех бумагах прописано. С шущманом повздорил. Треугольник носил синий, если интересно. А вам за что «винкель» налепили?

Парни, не стовариваясь, поглядели на нашивки, каждый на свою.

– Ты о чем, новенький? Мы же саперы!

Выпускник военного училища Август Виттельсбах немало устыдился. Uniformу европейских армий им, конечно, читали, но не слишком вдаваясь в детали. Значит, саперы? И Столб теперь сапер, и... И он сам получается тоже?

Между тем, саперы о чем-то пошептались, после чего разговорчивый придвинулся ближе.

– Слушай, камрад, и запоминай. Таких, как ты, направляют во вторую роту. А тем, кто во второй – ни увольнений, ни переписки. Но не вздумай с камрадами весточки передавать. Не возьмут, двое уже на этом погорели, мало не показалось. А если возьмут, еще хуже, сразу к начальству побегут. Народ здесь дрессированный, не хуже, чем в цирке.

– Здесь? Это где?

– Крепость Горгау, камрад.

* * *

Остановили их минут через десять. Точнее Лонжа сказать не мог, наручные часы отобрали при аресте да так и не отдали, как и все прочее. Вполне логично! Никто его не освобождал и не собирался, только «кацет» теперь именуется странным именем Горгау. Сразу же вспомнилась Медуза Горгона. Бывший цирковой не слишком хорошо помнил мифологию, но на одном из представлений, где он стоял в униформе, Горгона была явлена во плоти – живая пирамида в три яруса с огромной маской наверху. Лонжа прикинул, что Горгау по созвучию вполне годится в супруги страховидной Медузе.

О том, почему везут именно в крепость, решил пока не задумываться. Объяснят! А если нет, догадается сам.

Когда грузовик остановился, Лонжа решил было, что это контрольно-пропускной пункт, полагающийся каждой воинской части, однако вышло иначе. Его новые сослуживцы недоуменно переглянулись, тот, что поразговорчивей, выглянул наружу и тут же вернулся обратно.

– Sch-sch-scheiße!⁸

И тут же послышался знакомый рык: господин обер-фельдфебель с кем-то препирался. Длилось это недолго, голоса стали громче, послышалось резкое: «Открывай!» Саперы вновь переглянулись, а затем почему-то взглянули на Лонжу.

– К машине! Стр-р-ройся!

Стали в ряд, хотя и не по росту. Столб это обстоятельство проигнорировал и вообще выглядел крайне недовольным. Неудивительно! Увидев, кто их остановил, Лонжа мысленно согласился со своим новым знакомым. Scheiße! Иначе и не скажешь.

...Оскаленный череп в петлице и на фуражке, карабины наперевес, наглый, полный презрения взгляд. «Мертвая голова», лагерная охрана. Двое по бокам, в центре – офицер, рядом с ним Столб с какими-то бумагами в руках. Один показывает, второй внимательно изучает, время от времени поглядывая на стоящих в строю.

Секунды затяжелели, каждый удар сердца гулко отдавался в висках. «Будет вам мерзость», – пообещал Агроном, и Лонжа ему поверил. А чем не мерзость – кошки-мышки с обреченным? Отпустили – и снова поймали.

«Ваша судьба – лагерь и печь крематория». Белый танец Смерти, зал с колоннами, невидимый в темноте оркестр...

---

⁸ Здесь и далее персонажи будут использовать выражения из obscene лексик, переводить которые автор не считает возможным.

Обойдись без вопроса
Обойдись без ответа,
Полыхают зарницы,
Уходит жизнь...

Август Виттельсбах закусил губу и стал ровно, словно в миг, когда на его плечи лег королевский горностаи. Все сделано правильно. Пусть!

Рай не светит нам, шагнувшим в бездну,
Новых воскресений нам не знать!

С Агнешкой он виделся за три дня до ареста. Сейчас она уже дома, в безопасности. И это хорошо.

– Гефрайтер Пауль Рихтер?

Офицер уже рядом, смотрит в лицо. Пусть смотрит!

– Так точно!

Долгий внимательный взгляд. Наконец, «мертвоголовый» отвернулся, отошел на несколько шагов.

Оскалился.

– Извините за вынужденную задержку, господа. Чрезвычайные обстоятельства! Успешной вам службы!..

Вздернул правую руку вверх.

– Хайль Гитлер!

Стоящие в строю промолчали. Обер-фельдфебель Столб неохотно поднес руку к козырьку.

Смерть отступила.

– Чрезвычайные обстоятельства? – хмыкнул разговорчивый сапер, когда грузовик, наконец, тронулся. – Да побег у них, точно говорю!

– Здесь где-то лагерь? – не выдержал Лонжа.

– Не где-то, – наставительно молвил второй, – Все скоро узнаешь, камрад. А насчет побегов – это сказка. Из «кацета» убежать нельзя.

Бывший номер 445 хотел промолчать, но губы сами шевельнулись.

– Можно!

Сказал негромко, но его услышали.

8

Локи лежал на полу в грязной липкой луже. Первое ведро воды не помогло, пришлось лить второе, и только тогда Хорст сумел разлепить веки. Густая красная пелена закрывала мир, но это даже к лучшему. Остаток сил он потратил на то, чтобы не заплакать. В горле булькало, и только сжатые зубы удерживали отчаянный беспомощный вой.

– Очухался? – гоготнули за пеленой. – Готовься, сейчас повторим. А если не нравится – подписывай.

– Н-нет, – выдавил он из себя. – Не подпишу. Я никого не убивал!..

За пеленой о чем-то негромко переговаривали. Затем Локи взяли за плечи и вздернули над полом. Чья-то ладонь впечаталась в щеку.

– На меня гляди!

Пелена лопнула. Квадратный «бык» смотрел прямо в лицо.

– Не серди нас, Локенштейн. У меня есть приказ – и есть срок исполнения. Условие одно, руки-ноги тебе не ломать. Понял? Спрашиваю: понял?

Нового удара Локи ждать не стал. Не отмолчаться...

– На суде я все равно откажусь.

Откуда-то вынырнула горящая сигарета, на миг задержалась у щеки, затем оказалась возле левого глаза. Хорст попытался отдернуть голову, однако держали крепко.

– Намек понял, Локенштейн? На суде ты будешь только кивать и поддакивать, как Мари-нус ван дер Люббе. Есть, знаешь, способы. Имей в виду, убить – не убью, но изуродую так, что и мать родная тебя на том свете не узнает...

Сигаретный жар опалил ресницы.

– ...Глаза не жалко? Могу еще яйца дверью прищемить. Только руки-ноги, понял, все прочее здесь оставишь. Ну, Локенштейн, что выберешь, глаз или яйца? Считаю до трех, а потом выберу сам. Один...

Локи уже понял – не шутят, что обещают, то и сделают. Но даже не это было самым страшным.

– ...Два...

Ван дер Люббе! На Лейпцигском процессе, когда судили поджигателей Рейхстага, главный обвиняемый во всем соглашался с прокурором, хотя нраву был бешеного, бомбист-анархист. Есть ли способы? Конечно же есть! Все равно, сволочи, своего добьются...

– ...Три!

– Не надо! Не надо! Я подпишу, я все подпишу! Я подпишу-у-у!..

* * *

– ...Произведя последний выстрел, я выбежал из вышеупомянутой бельевой, однако на пороге оступился и упал, ударившись при этом головой о дверь. Далее ничего не помню и показать больше ничего не могу...

Писать было очень неудобно. Присесть – даже на краешек стула – он не решался, слишком внутри все болело. Работал, наклонившись над столом. Квадратный диктовал, стоя за левым плечом и время от времени заглядывая в бумагу.

– ...О чем свидетельствую собственноручно и подписываюсь...

Думать ни о чем не хотелось, но краешком сознания Хорст понимал, что байка вышла хоть куда. Вместо быстрого и незаметного «скока» вырисовался вооруженный налет. Состав банды налицо, главный – Ганс Штурр, он, Локи, на подхвате. Второй убитый оказался по странной случайности рецидивистом, судимым именно за грабеж.

– И на каждой странице, Локенштейн, распишись. Внизу – и чтобы разборчиво.

Отчего ссора вышла? Оттого что будущий «навар» не поделили. К тому же Штурр крепко выпил. Слово за слово...

Хороший адвокат не оставил бы от этой сказки камня на камне, но Хорст уже ни на что не надеялся. Только бы оставили в покое, отвели бы камеру, лучше всего одиночку. А там лечь на нары лицом вниз – и будь что будет!

Локи, сын Фарбаути и Лаувейи, спекся.

Бумаги унесли, однако в камеру его не отпустили. Квадратный «бык» достал папиросы, кивнул подчиненным.

– Курите, парни!

Покосился на Хорста, гоготнул:

– Можешь присесть, девочка!

– Не может! – радостно откликнулся один из «быков». – Чешется сильно.

Локи это уже не задевало. Сейчас, когда все самое страшное кончилось, а боль немного отступила, он начал понимать всю нелепость случившегося. Дело даже не в том, что его подставили, навесив чужую «мокруху». Штурра с приятелем наверняка порешили сами «быки»,

но в этом случае он, Хорст Локенштейн, нужен им не живым, а мертвым. Пристрелить, сунуть в руки оружие да там и оставить до приезда следственной группы. Процесс – это долго и сложно, случиться может всякое...

– Хайль Гитлер!

Прозвучало из-за спины. Как открылась дверь, Локи не услышал.

– Зиг хайль! Зиг хайль!

«Быки» отвечали вразнобой, но очень громко. Квадратный кивнул, и Хорста, взяв за плечи, развернули.

– Этот?

Локи понял, что еще способен удивляться. Вместо серого мундира – черный, с «сигиль-рунами» в петлице. Ростом с каланчу, но в плечах узок. Что на другой петлице? Значит, унтерштурмфюрер. Унтерштурмфюрер Глист.

...«Черных» Локи, подобно прочим добрым немцам, старался обходить стороной. Как и все, что пахло «политикой».

Унтерштурмфюрер Глист, смерив его внимательным взглядом, протянул руку, взял за подбородок, повернул голову влево. Затем, вытерев пальцы белоснежным платком, достал из нагрудного кармана фотографию.

Всмотрелся.

– Не слишком и похож. Ладно, все вон!

Подождав, пока «быки» грузно протопают к выходу, спрятал снимок.

– Моя фамилия – Виклих. Так и обращайтесь: «господин Виклих»...

Прошелся по комнате, зачем-то взглянул в зарешеченное окно. Локи между тем мысленно восхитился. Виклих⁹ – почти угадал! Хотя и не Глист, но совсем близко. Но почему не по званию? У всех «эсэсов» пунктик по поводу устава!

– Сейчас, Локенштейн, я зажгу спичку. И пока она горит, вам придется принять решение...

Локи лишь вздохнул. Еще один пироман! Но мозг уже работал, камешки, слегка покружив, быстро складывались в простенькую мозаику. Сначала подставили, сунули под нож гильотины, а потом появляется Глист со спичками. Романами про разведчиков Локи не слишком увлекался, но иногда почитывал.

В шпионы вербуют, что ли?

Коробок с легким стуком упал на стол.

– Вы, Локенштейн, конечно, не убийца, но вор и мерзавец, а значит бесполезный для Рейха индивид. Таких, как вы, следует истреблять, чтобы нация стала здоровее и чище. Однако сейчас Рейху нужны именно вы.

...А почему бы не в шпионы? Все лучше, чем под нож!

– Итак, одно из двух. Или я исчезну, и все пойдет своим ходом – или мы исчезнем вместе. Ваши бумаги я заберу с собой ради гарантии, но после всего охотно вам верну. Умирать...

Пожевал губами, словно пробуя слово на вкус.

– ...Умирать вам не придется, это обещаю. Хорошо поработаете – отпущу.

Вынул спичку, поднес к коробку.

– Не надо! – вздохнул Локи. – Я согласен, господин Виклих.

---

⁹ «Виклих» – уж (нем.).

Глава 2

Короли и шпионы

1

В детстве маленькому Хорсту приходилось слышать от отца, человека взглядов прогрессивных, голосовавшего за социал-демократов и читавшего Дарвина, что люди идут на преступления по вине общества. Вор, обокравший в рождественскую ночь лавку на соседней улице, сделал это, потому что был очень беден. Секретарь бургомистра, пойманный на взятках, бедностью не страдал, но все то же общество испортило его, толкнув на кривую дорожку. Локенштейн-младший отцовскую мысль оценил и принял к сведению, сделав, однако, из нее вывод во вполне прогрессивном духе. Человек – частичка общества, один из миллионов и миллионов. Значит, жизни видней, чего с него требовать, и спорить с судьбой незачем. Как объяснил любимый отцом Дарвин, такие попытки ничем хорошим не кончаются. Общество плохое и несовершенное? Так с чего сыну начальника почты быть совершенным?

Вором же будущий Локи стал не от плохой жизни, а, напротив, от очень хорошей. Берлин, куда довелось попасть, ничем не напоминал скучный провинциальный Тильзит. Здесь было все, чего только можно пожелать, причем совсем рядом, протяни руку. Так почему бы и не протянуть? Если с умом, если не делать глупостей...

Посыльных в «Курфюрстендаме» часто ловили на мелком воровстве из номеров. На место такого, с великим позором уволенного, Хорст и попал – и сразу же от подобного зарекся. Первые свои полновесные послеинфляционные марки заработал, приторговывая «коксом», причем не в своем отеле, а в соседних, от греха подальше. Не понравилось: беготни и страха много, доходов же – не очень. Парня его лет, коллегу по «бизнесу», зарезали даже не ради денег, а просто так, после лишней понюшки. Хорст, подумав, решил от дела отстать, но полезные знакомства сохранил. И когда один из его постоянных клиентов по кличке Блиц предложил немного подзаработать, отказываться не стал. Невелик труд постоять в коридоре на стреме, пока Блиц с подельщиком шуруют по номерам. Риск – всего на десять минут, недаром его будущего наставника прозвали Молнией.

Начало было простым, позже, уже самому, довелось проворачивать дела куда более сложные. Среди подельщиков Локи слыл везучим, но сам себя таким не считал. Осторожность, шило в животе – совсем другое. И деньги не тратил по-глупому, ни на казино, ни на тот же «кокс». Кое-что припрятывал, кое-что пытался пускать в оборот, однако Великая Депрессия разом превратила купленные акции в труху. Урок не прошел даром, и Хорст зарекся играть в азартные игры со столь несовершенным обществом. Тогда же оценил неясное ему доселе воровское правило – не заводить семью. Одному легче выжить, а случайная подружка всегда найдется.

Иногда Локи подумывал о том, чтобы сменить род занятий. Парню не приходилось жаловаться на внешность, он был говорлив, остроумен и неплохо пел баритоном. При гостиницах постоянно кормились смазливые «альфонсы», можно было пристать к свите очередной модной певицы или даже попытаться выйти на эстраду. Но все это – лишние хлопоты и, конечно, потеря столь ценимой свободы. Деньги не главное, их много, они всюду, подбирай и не ленись.

Однажды довелось задуматься и о шпионском ремесле. Причиной стал поход в кино с новой подружкой, на этот раз совсем не случайной. Симпатичную горничную из «Отель де Ром» следовало прикормить и умаслить. Много денег не требовалось, провинциалка из Тюрингии очень любила американское кино. Так почему бы и нет?

– Хочу про шпионов!

Можно и про шпионов.

«Шпион с моноклем» режиссера Грегори Ратоффа подошел в самый раз. Горничная была в восторге, да и сам Локи заинтересовался. Шпион на экране не только носил монокль, он был силен, красив и храбр, хорошо одевался, пил шампанское с устрицами, проводя время в ресторанах и казино, причем исключительно за казенный счет. Его славили, награждали и щедро одаряли любовью. Работа же оказалась привычной: в пустую комнату заглянуть, нужный портфель найти... Локи даже прикинул, как бы он сам поступил на месте героя. Авторы сценария знали дело вприглядку, Хорст все провернул бы куда проще и быстрее.

Однако к концу фильма очарование рассеялось. Шпиона ловили и после долгой погони, поймали, потом били, потом приговорили к виселице. В финале, он, конечно, спасся, но Хорст такому не поверил. Вместо привычного «The End» на экране явно вырисовывалась петля.

Шпионом Локи быть расхотел. Когда над Германией повеяли новые ветры, он старался держаться подальше от всего сомнительного – коричневой формы, шумных сборищ, горящих книг и нелегальных листовок. К счастью, отели по-прежнему работали, и можно было легко скользить по жизни, от дела к делу, пока не поймают.

Поймали!

Поймали и записали в шпионы. Может, хотя бы не повесят?

2

– Как замечательно, что ты приехала, Пэл, дорогая!..

Тетя Клементина, тщательно прицелившись, больно ударила в щеку сжатыми сухими губами, словно пыталась укусить, но в последний момент передумала.

– ...К сожалению, я очень плохой человек. Я тебе рада не только потому, что всегда любила и люблю тебя, Худышка, а, увы и ах, из чистого эгоизма.

Следующий и к счастью последний поцелуй ударил в подбородок.

– Да-да, я страшная эгоистка, думаю прежде всего о себе и нашей семье, такая уж выросла. Пэл, милая! Повлияй на своего дядю! Это же невозможно! Невозможно!..

Сквозь желтые кроны с трудом пробивается неяркое осеннее солнце. Узкая, засыпанная гравием аллея, белые астры по сторонам, чуть дальше – беседка, увитая плющом. Пэл всегда с удовольствием приезжала в Чартуэлл. Одно из немногих мест во Вселенной, где ей действительно рады.

– Твой дядя превратил наше имение в запасной правительственный центр! Это не я придумала, так сказал бедный сэр Роберт Ванситарт, которого дядя заставляет приезжать сюда, словно на службу и делать доклады. И, представь, кричит на него, если тот опаздывает.

Даже воздух в Чартуэлле вкусный, не в пример лондонскому. Пэл на малый миг до боли позавидовала хлопотливой тете. Вот так бы прожить жизнь!

– Это не страшно, тетя. Сэр Роберт – всего лишь государственный секретарь. Вот если бы он кричал на сэра Энтони!..

– Он и на сэра Энтони кричит! А позавчера даже кинул в него сигарой и чуть было не попал. Какой ужас, Пэл! Ну почему бы твоему дяде не заниматься живописью? У него же прекрасно получается!..

Пэл не выдержала – улыбнулась. К тетушкиным жалобам она уже давно привыкла. С должностью коменданта запасного центра та справлялась без особого труда и явно этим гордилась.

– Вот и сейчас! Он даже не вышел тебя встретить, Худышка. Только ладонью махнул, мол, встречу сама и приведи. А знаешь почему? Он с самого утра терзает нашего гостя. Тот, конечно, итальянец, но это не повод часами допрашивать человека.

– Не повод, – вновь улыбнулась Пэл. – Это, тетя Клемми, причина. Боюсь, мне даже придется ему помочь.

– Только недолго, – наставительно молвила родственница. – А то обед остынет. Ну, иди, а то дядя кричать начнет. И... Пэл!

Закусила губы, стерла улыбку с лица.

– Потом мы с тобой поговорим наедине. Ты мне, конечно, запретила, но я нашла одного врача. Очень хорошего врача...

Пэл лишь покачала головой. Еще один врач! Какой смысл? Диагноз она помнит наизусть.

Тетины пальцы клещами вцепились в локоть. Темным огнем вспыхнули глаза.

– Леди Палладия Сомерсет! Как старшая в семье я запрещаю вам впадать в отчаяние и думать о смерти. Это неправильно и недостойно сословия, к которому мы принадлежим. Слышите? Мы нужны нашим мужьям и Матери-Англии. Когда крестоносец уходит в поход, кто-то должен защищать замок!..

Закусила губы, смахнула слезинку с глаз...

* * *

«У тебя есть враги? – молвил как-то дядя Винни, будучи в прескверном настроении. – Значит, в своей жизни ты что-то когда-то отстаивал. Прятаться и молчать нельзя! Когда орлы молчат, болтают попугаи».

За себя дядя мог быть спокоен, врагов у него – видимо-невидимо. Неудивительно! Дядя никогда не молчал и постоянно что-нибудь отстаивал, главным образом себя и собственное единственно правильное мнение. Такой человек, как он, мог быть только первым, никакой иной номер его не устраивал. Дядю считали грубым, непереносимым и циничным, и он таким действительно был. Немалый возраст ничуть не пригасил пыл, ибо власть, как считал он сам, самый страшный наркотик. Кто попробовал хоть раз – отравлен навсегда.

К власти дядю Винни давно уже не подпускали, но он не падал духом. «Теперь я могу позволить себе роскошь – быть безответственным, – отвечал он тем немногим, кто ему сочувствовал. – На войне вас могут убить лишь раз, в политике убивают постоянно. Но я превзойду доктора Франкенштейна. Сейчас у власти люди с гибкой спиной, но скоро настанет мой час!»

Этот час для посвященных не был тайной. В 1932 году правительство Великобритании решило не возобновлять «правило 10 лет»¹⁰ и начало подготовку к неизбежной войне. Пик готовности должен быть достигнут в апреле 1939-го. Дядя зачеркивал дни на календаре и собирал свой будущий кабинет – «кабинет войны».

А еще дядя Винни много пил, курил кубинские сигары «Romeo y Julieta» и постоянно ругался.

Пэл его очень любила.

* * *

– Наконец-то, дорогая Пэл! Коньяк мы уже допили, и Скалетта решил, что это повод удрать от меня подальше. Но я его не отпустил, ты с ним обязательно должна познакомиться. Скалетта, идите сюда!

Посреди садовой беседки – круглый стол под белой скатертью. Зеленая бутылка, хрустальные рюмки и простая глиняная пепельница. Три плетенных кресла, одно место пустует. В воздухе – сизый сигарный дым.

Дядя из кресла выбрался, хотя и не без труда. Сигара в зубах, жилет расстегнут, морщины на лбу. Косолапо шагнул вперед, обнял, отведя руку с сигарой в сторону.

---

¹⁰ Правило гласило, что военные ведомства должны составлять свои бюджетные заявки, исходя из принципа, что «в следующие 10 лет большой войны не будет». Уинстон Черчилль, предложил, чтобы «правило 10 лет» автоматически возобновлялось каждый год, если только оно не отменялось специальным распоряжением правительства.

– Очень рад тебя видеть, Пэл! Ты – единственная из Спенсеров, кто не боится со мной общаться. Тебя за это проклянут, но ты не обращай внимания. Герцога Мальборо тоже все проклинали... Скалетта!

Тот был уже рядом. Пэл оценила контраст. Бочонок-дядя и его гость... Швабра? Нет, скорее удочка, изящен больно. Сразу видно – итальянец. Вот только волосы на голове – торчком, словно у дикобраза.

– Очень рад, леди Палладия! Ваш дядя не догадался, поэтому отрекомендуюсь сам.

– Это лишнее, – улыбнулась Пэл, оценив легкий и приятный акцент, – Я знаю, кто вы, князь Алессандро Руффо ди Скалетта. Ваша фотография была во вчерашней «Таймс» на второй странице...

– Но не на первой, – угрюмо буркнул дядя. – Напекают, что вам, Скалетта, не очень рады. И когда вы следующей осенью уйдете в отставку...

Князь Руффо покачал головой.

– Весной, вероятно в мае.

Рука с сигарой взметнулась вверх.

– Не вздумайте, Скалетта! До весны вы ничего не успеете, а вам надо раскидать весь тот хлам, что остался от Муссолини. Так вот, в отставку уходите, но будьте готовы. В 1939 году правительство Италии возглавите именно вы, иначе вас непременно втянут в войну, причем явно не на стороне победителей.

И, не слушая, возражений, ухватил гостя за руку.

– Идемте, насчет коньяка я пошутил, там еще осталось. А ты, дорогая племянница, присоединяйся, посиди со стариками. Без тебя я слишком часто ругаюсь.

Пэл зябко поежилась, без особого доверия поглядев на бледное осеннее небо. Все-таки октябрь, а она в легком пальто.

– Согреешься! – пообещал Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль, косолапо подходя к бутылке. – А вы, Скалетта, не глядите сочувственно, Пэл слеплена из того же теста, что и я, только замес погуще. Кстати, она хотела задать вам несколько вопросов, так что будьте готовы.

Племянница своего дяди присела к столу, опершись о скатерть локтями, и не удержалась – взглянула в глаза человеку, который сверг Муссолини. Ради предстоящей беседы она и поспешила в Чартуэлл. Князь Руффо готов. А она готова?

Готова!

* * *

– Мне скоро предстоит поездка в Рейх, князь Руффо. Какая именно, дядя, уверена, вам уже рассказал. Что вы посоветуете?

– Для начала, леди Палладия, хотелось бы услышать ваше мнение. Что сейчас происходит в Германии?

– Думаю, Гитлер затеял какую-то... Какую-то перестройку. Не по сути, но по форме. Его очень напугало свержение Муссолини, и фюрер хочет уверить мир, что нацизм становится более гуманным, что с Рейхом можно иметь дело. Пытается поладить с церковью, выпустил часть заключенных, а главное хочет как-то решить еврейский вопрос. Без этого ему не договориться с теми, кто правит в США. Евреев освобождают из тюрем, облегчены условия эмиграции, но у фюрера в запасе имеется...

– ...Сильный ход, леди Палладия. «Starke Bewegung» – есть такое немецкое выражение. Скорее всего, он предложит создать национальный еврейский очаг в Палестине. Государство Израиль!.. Уинстон, не рычите, я же не виноват, что ваши соотечественники не додумались до этого сами... А для того, чтобы иметь свободу рук, Гитлер постарается спрятать подальше главное пугало – Гиммлера с его СС. В этом фюреру охотно поможет Геринг и верхушка НСДАП. Рейхсфюрер нажил много врагов... Венец всего – визит в Вашингтон и нормализация отношений с Соединенными Штатами. Рузвельт на это никогда не пойдет, но он не вечен, и Гит-

лер может еще подождать. А без Соединенных Штатов никакая Антигитлеровская коалиция невозможна.

– И в самом деле, сильный ход. А у Гитлера получится?

– Неизвестно. Гиммлер уходить не захочет, а его возможности очень велики. В Рейхе уже беспокойно. Позавчера «Свободная Германия» сообщила о гибели Теодора Эйке. Он был инспектором всех концентрационных лагерей и правой рукой рейхсфюрера. Якобы погиб в автомобильной катастрофе. Эйке – только начало. Думаю, обстрел немецких цеппелинов тоже как-то с этим связан. Вы едете в серпентарий, леди Палладия.

– А с какой гадушкой проще будет договариваться?

– Ни с какой – пока Гитлер у власти. Шансы, что его свергнут, мизерны, но они постепенно растут. Если же не выйдет – плохо...

– Война?

– Война!

3

Унтер возмущенно дернул носом, без особого успеха попытавшись принять грозный вид:

– Где ваша форма, гефрайтер?!

– Ее нет, – честно сообщил Лонжа.

Все воинские части одинаковы. Был в одной, считай, посетил и остальные. Плац, казармы, караульные будки, склады и, конечно же, канцелярия с ее обитателями. Этих явно в одной печи обжигали и только потом раскрасили согласно уставу.

– А вы знаете, что бывает с военнослужащим, который утерял казенное обмундирование?

– Конечно, знаю, – удивился новоиспеченный гефрайтер. – Ему выдают новое.

Крепость Горгау Лонжа сумел увидеть, только оказавшись внутри и выбравшись из грузовика. Первый взгляд не слишком вдохновил. Зеленые крыши, здания в серой известке, в разрывах между ними, как и ожидалось, стены, но какие-то невысокие, причем явно помнившие лучшие времена. Всюду глубокие трещины, кусты у подножия, а вот и деревце, вцепившееся корнями в разлом.

За серыми домами – высокая зубчатая башня. Одна. И тоже деревья между зубцов.

Ближе к воротам, через которые въехали, картина более понятная: плац, полосатая будка охраны, стальной флагшток, несколько авто возле стен. Народу же не слишком много, сходу и двух дюжин не насчитать. Часть в привычной зеленой форме, однако, некоторые почему-то в белом, словно мукой обсыпаны.

Репродуктор над входом в одно из зданий и еще один – возле караульной будки.

Особо присматриваться Лонжа не стал, еще успеет. Одно ясно – не «кацет». Даже крысы канцелярские, хоть и скалят зубы, но не кусают.

– Прочитайте и распишитесь. И здесь распишитесь. И здесь!

То, что он по-прежнему Рихтер, Лонжа окончательно понял, оказавшись пред хмурым ликом некоего майора, к которому и подвел его Столб сразу же после выгрузки из машины. Представил, показал пакет с документами. Тот лишь кивнул и махнул рукой, документы смотреть даже не стал. Лонже почему-то показалось, что о его прибытии знали заранее, во всяком случае, в канцелярии, куда он попал после встречи с майором, если чему и удивились, то лишь тому, что новоприбывший в штатском. Лонжа с интересом узнал, что служит в Вермахте с весны 1937-го, взысканий не имеет, а вот благодарности в наличии, равно как звание гефрайтера, присвоенное в августе, то есть сразу после окончания боев в Белоруссии. Где служил прежде, пойди пойми – в бумагах лишь номера частей.

Все в мире кончается, даже бумаги. Лонже вернули солдатскую книжку и отправили с глаз долой. Вторая рота, второй взвод, как и было обещано.

На плацу его встретил мелкий холодный дождь. Пауль Рихтер, гефрайтер второй саперной роты, поднял повыше воротник штатского пиджака и усмехнулся. В Губертсгофе тоже был дождь. И ничего, вырвался!

Ведь мысли – что бомбы:
Засовы и пломбы
Срывают подряд:
Нет мыслям преград!

* * *

– Сам ты белый, – возмутился курильщик. – Цвет называется «старая соль», такую униформу только нам носить позволено. Ты что, с неба упал?

– Без парашюта, – согласился с ним второй, годами постарше. – Чего к парню пристал? Видишь – новенький. Это рабочая форма, ну, и когда учеба, такую тоже надевают. Мы, саперы, ею гордимся, учти!

Лонжа пообещал учесть и больше не путать. С белым цветом вышел определенный конфуз, но в курилку, обнаруженную прямо за углом крайнего здания, он заглянул не зря. В канцелярии ничего толком объяснять не стали. «Свободен!» и «Кру-у-угом!» Столба найти не удалось, словно сквозь землю провалился господин обер-фельдфебель. Как свою роту найти, спросить у кого? Ясное дело, в курилке.

Место оказалось удобным еще и потому, что мимо постоянно проходили люди. За первым рядом зданий прятался второй, где столовая и склады. Парни в форме цвета «старой соли» пообещали, что если увидят кого из второй роты, непременно укажут. В казармы идти нет смысла, там в этот час лишь дневальные.

– Ротным у вас гауптман Эрльбрух, – сообщил тот, что постарше. – Но к нему лучше сейчас не подходить, он после обеда обычно нравом суровеет. Его заместителя сейчас в крепости нет, уехал. Тебе, парень, нужно к кому-нибудь из фельдфебелей...

– Если трезвого найдет, – без особого пиетета добавил другой. – Вторая рота – она, можно сказать, особая. Без намордников и покусать могут...

Его сослуживец поморщился.

– Лишнего-то не болтай! А ты, парень, смотри. Вон трое идут, самый высокий – твой. Как раз командир второго взвода.

– Спасибо!

Лонжа поправил мокрый пиджак и шагнул из-под навеса – прямо навстречу. Двоих он уже успел рассмотреть. Обычные парни, только форма зеленая, без соли. Третий же, тот, кто и был нужен, смотрел в сторону – разговор вел. Высокий, плечистый, на погоне – широкий серый кант и серебряная звездочка. Лонжа стал прикидывать, как ловчее привлечь внимание начальства, когда фельдфебель внезапно обернулся...

...И крепость исчезла, растаяв в белесом лесном тумане. Густые кроны над головой, палая листва под мокрыми сапогами. Восемь человек, восемь карабинов. Он – девятый, «Суоми» с пустым магазином и шведский «Наган» у пояса. Пять патронов в барабане, пачка в запасе...

«Камрад Лонжа! Камрады! Ни к русским, ни к полякам идти нельзя».

Встретились прямо посреди асфальта – рослый фельдфебель и невысокий парень в штатском. Секунду-другую молчали, наконец, губы смогли шевельнуться.

– Дезертир Лонжа!

– Дезертир Запал!

* * *

До курилки дошли молча, плечом к плечу, благо, там было уже пусто – ценители «старой соли» выбежали под дождь, спеша по своим делам. Лонжа только и успел, что в очередной раз поразиться происходящему. Почему все так? Случайность? Если и да, то у нее есть имя и майорское звание. Но сам ли «серый» такое придумал? Пространство, внезапно став плоским, обратилось гигантской шахматной доской. Две пешки переходят из клетки в клетку. Замки предусмотрительно сняты. Незачем, сами доберутся по назначению. Игрок же терпеливо ждет, прихлебывая кофе из чашки...

– Курить будешь?

Фельдфебель достал папиросы, но Лонжа покачал головой.

– Я – только после боя.

Негромко щелкнула зажигалка. Дезертир Запал, глубоко затянувшись, кивнул:

– Помню, мы тогда последние раскуривали, по одной на двоих.

Помолчал немного и взглянул прямо в глаза.

– Ты за нами, командир?

Следовало, конечно, ответить «нет». Куда там «за нами»! Он – такая же пешка, в чужой игре, ни о чем не спросили, сделали ход и ждут. Но... ведь он может двигаться и сам. И он – не пешка!

«...Принимаю престол своих предков в тяжкий для Отечества час. И да будет моя королевская клятва залогом того, что не имею я забот иных, чем счастье моего народа и моей земли...»

Не может – должен!

– Я – за вами! – твердо ответил король.

Бывший шарфюрер штурмовых отрядов резко выдохнул и внезапно улыбнулся.

– Наконец-то! Связь у нас работает, то, что ты – представитель Германского сопротивления, мы знаем. И не только знаем – готовы! Помнишь, Лонжа, после Губертсгофа мы голосовать хотели, а Столб нам запретил? А теперь не побоялись, и «черные» и «красные»...

Оглянулся на миг, заговорил шепотом:

– ...Учитывая сложившуюся политическую ситуацию от сотрудничества на уровне партийных ячеек по-прежнему воздерживаться, но с руководством Германского сопротивления установить контакт и действовать совместно. Единогласно!.. Сейчас не время, но вечером все подробно доложу...

Лонже почудилось, что игрок за доской, довольно улыбнувшись, отхлебнул кофе. Фигурки двигались сами, без понуканий – из одной стальной клетки в другую. «Серому» только и осталось, что наблюдать, пока все не станут, как задумано и объявить «мат».

А если иначе?

Август, Первый сего имени, сошел с шахматной доски и присел напротив. Партнер не заметил нового игрока, слишком в себе уверен. Значит, пока делать свой первый ход.

E2-E4!

Лонжа стряхнул капли воды с мокрого пиджака, стал по стойке «смирно».

– Осмелюсь доложить! Гефрайтер Пауль Рихтер прибыл для прохождения службы!.. Только, господин фельдфебель... Что это за крепость такая?

Командир второго взвода, приосанившись, повел плечами и рыкнул от души:

– Вопр-р-росы следует задавать только по р-р-разрешению вышестоящего начальства, гефр-р-райтер! Еще раз повтор-р-рится – отправлю чистить Sitzungssaal, пр-р-ричем зубной щеткой!..

И, вновь, оглянувшись, добавил, уже без рыка.

– По сути же вопроса, гефрайтер, могу доложить, что вы попали на двухуровневый объект. Наземный уровень, который вы наблюдаете, есть не что иное, как огромная куча отборного дерьма... Можете задавать вопросы.

Гефрайтер Рихтер преданно взглянул на начальство:

– Покорнейше благодарю, господин фельдфебель! Уж просветили, так просветили!.. А-а... А что на нижнем уровне?

– Еще бóльшая куча отборного дерьма!

4

Локи застегнул пуговицы нового пиджака, поглядел в зеркальце...

Ужас!

Сразу видно, что из магазина готовой одежды. Размер его, а рост не подходит, брюки коротки, запястья из рукавов торчат. Цвет – испуганной мыши, а уж крой... В таком рубище в серьезный отель зайдешь, швейцар в шею погонит. И девиц в кафе не пригласишь, засмеют.

Ничего другого, впрочем, не было. Прежний костюм, новый, почти не надеванный, только и годится что на тряпки, полы протирать.

Делать нечего! Хорст, вздохнув, попытался присесть на стул – боком, на самый краешек. Врач-проктолог только головой качал, но лечение все же помогло – хоть и плохо, но сиделось. И вообще, все складывалось не худшим образом. Не бьют, лечат, и решеток на окнах нет.

Комнатка досталась маленькая, пять шагов на восемь. Из мебели только кровать и стул. За намертво забитым окном – незнакомый двор, деревья в осенней листве. Шестой этаж, а то и повыше. Чтобы выйти по надобности, нужно стучать в дверь, и не как попало, а три раза.

Но все-таки не тюрьма. И кормят прилично.

Локи, немного успокоившись, рассудил, что все это ненадолго. Боль и страх отступили, голова работала, и случившееся при всей его мерзости выглядело теперь понятным и объяснимым. Полиция, по-нынешнему «крипо», о Локи-счастливчике, конечно, знала, но прищучить не могла. Зато он, Хорст Локенштейн, понадобился иной полиции, которая «зипо». Почему? А из-за фото, что в кармане у господина Виклиха. «Не слишком и похож». Но все-таки похож! А «зипо» – это контрразведка, «наседкой» в тюрьму не отправит, совсем другой уровень.

Страшновато. Но... Интересно! Если верить фильму, петля грозит только в финале, а до этого можно и в ресторане посидеть с шампанским и устрицами. И в придачу девицы в бриллиантах, тоже, понятное дело, шпионки. Значит, поглядывать нужно, чтобы усыпляющего в бокал не кинули. А еще можно усы отрастить, солидности ради.

Он вновь посмотрелся в зеркало, мысленно примерив новый, с иголочки, костюм. Нет, не костюм даже – фрак! Давно хотел приобрести, но повода не было. А что? Зачем этим из «зипо» шпион в лохмотьях?

Как дверь стукнула, еле услышал. От зеркала отвернулся, одернул горе-пиджак. Унтер-штурмфюрер Глист, на этот раз в штатском, не в форме, взглянул кисло.

– Стойте, где стоите, Локенштейн. И рот на замке, пока не разрешат говорить.

Локи немного обиделся, но решил не подавать виду. Господину Виклиху фрак явно не пойдет.

В комнату между тем вошел некто, ростом пониже и в плечах явно не Геркулес. Костюмчик тоже из плохого магазина, главное же – прическа. Не из-под ножниц, из-под машинки. Хоть и отросло, но самую малость.

Что еще?

Молод, его лет. Ликом смазлив до сладости, словно удачливый жиголо. Взгляд же нехороший, будто пакость замыслил.

– Господин Кампо, – негромко уронил Глист. – Субстанцию доставили. Изучайте!

Локи сделал вид, что не слышит. Господин Кампо поморщился, брезгливо втянув воздух ноздрями, словно перед ним и вправду куча... Хосту представилось, как он лупит этого жиголо в ухо. Нет, лучше в нос, чтоб не принюхивался! А потом – ногами!..

Господин Кампо тем временем подобрался ближе, затем, не сказав ни слова, зашел с фланга. Стал рядом, померился плечом.

– Рост подходит, – наконец, решил он. – Но все прочее... Это даже не глина, господин Виклих, это шлак.

«Шлак» сделал очередную мысленную зарубку. Он ничуть не злопамятен, но зла не забывает. И память имеет хорошую.

Глист извлек из кармана знакомое фото, сверился и, наконец, резюмировал.

– Похож! Сделали, что могли, господин Кампо. Я всю полицейскую картотеку пересмотрел. Этот самый подходящий.

Фотографию спрятал, посуровел лицом.

– Работайте!

И вышел, хлопнув дверью.

Локи удовлетворенно вздохнул. В ухо – или в глаз? Может, предложить, чтобы сам выбрал? А потом – ногами, ногами, ногами!..

– Вам обеспечен смертный приговор, – скучно, без всякого выражения молвил гость. – Сочувствовать не стану, сам из «кацета». Тоже шлак, никому не нужен, даже себе. Но жить почему-то хочется. А вам?

Драться расхотелось.

* * *

Стола не было, фотографию пристроили на подоконнике. Вероятно, ту же, что и у Глиста, но уточнять Локи не спешил. Просто смотрел, впитывая в себя чужое лицо. Нет, не похож. Если все стереть и оставить контур с носом и ушами, то он вполне впишется. А вот губы другие, и брови, и, конечно, глаза. Такому не на «дело» идти, а в «следаки» по особо тяжким...

Возрастом подходит, разве что на год-другой старше.

А если все вместе сложить?

Сложил, встряхнул, сложил снова. И не сдержался:

– Выходит, господин Кампо, «зипо» вашего друга ловит? А я, стало быть, наживкой пойду?

Гость и виду не подал, но рука на малый миг сжалась в кулак. Разжалась...

– В дальнейшем – никакого Кампо. Я – Арман, а лучше – дурачина. Вы – куманёк. Потом, когда немного привыкнем, перейдем на «ты»... Так вот, куманёк, друга своего я бы ловить не стал. Увы, поймали без меня. Помочь ничем не могу, равно как и навредить. Жив ли, не знаю, и, честно говоря, не хочу знать. Но умирают, куманёк, в одиночку, спасаются вместе. Как раз наш случай!.. Вы должны им стать – Августом, моим другом. Не только внешне, а целиком – так, чтобы чужая кожа прижилась.

Локи слушал, мотал на ус. Кое-что понял сразу. Дурачину Кампо сломали быстро, может, быстрее его самого. Шлак... А его друг? Во-первых, друг близкий, потому и «дурачина», во-вторых, не ему чета, если «зипо» так заинтересовалось. Наверняка антифашист, из тех, что листовки расклеивают. Получается как раз герой из фильма, красивый и отважный, такого и сыграть не грех.

Сыграть? Нет, прав дурачина, надо чтобы с кожей.

Прикрыл глаза, чтобы чужой взгляд не мешал и перепрыгнул прямо на экран. Не там, где ресторан, а к финалу ближе, где подземелье и цепи. Герой к стене прикован, ему смертью грозят и... И допустим, приводят друга-предателя, такого вот жиголо, как водится, избитого, в лохмотьях и синяках. Сломали! Что ему герой скажет, какими словами проклянет?

Или не станет проклинать? Он – сильный и он – герой.

Открыв глаза, представил, что перед ним не случайный человек, даже не подельщик, а настоящий друг, которого у Локи отродясь не было.

Итак, герой бы сказал...

– Ты не виноват, что его арестовали, дурачина. Бороться с Рейхом – смертельный риск, случиться может всякое. Не виноват! Тебя на этом ловят и ломают. Они нацисты, нелюди, с ними не договориться. Обманут, не спасешься! А помочь ему ты сможешь, если станешь делать, не чего велят, а что нужно. Ты – не шлак. Нельзя сдаваться! Твой друг бы никогда не сдался. Ведь так?

Можно бить и не кулаком. Кампо дернулся, словно от резкой боли, но все-таки справился. Выпрямившись, бросил сквозь зубы:

– Я, знаешь, твоего мнения не спрашивал. Кто ты такой, чтобы судить?

– Меня зовут Хорст Локенштейн. Ремесло мое – воровское, и чужого на горб мне не надо. Но умирать и такому, как я, неохота. Хочешь, чтобы я стал твоим куманьком? Почему бы и нет? Он бы тебе так, возразил, верно?

Арман отвернулся, но все-таки ответил. Нехотя, словно камень жевал:

– Не так. Ему было бы больно, и он просто спросил бы: «Но почему – ты?» Я не совсем правильно выразился... куманёк. Моим другом... Августом Виттельсбахом ты стать не способен – для меня. Но для других – можешь и должен. Там, куда ты попадешь, никто не знает его в лицо. Для них – сойдет. Только не подпускай патетики, уши режет.

Локи сделал в памяти еще одну зарубку. «Куда ты попадешь». Интересно, куда именно? Хорошо бы в Париж, там не только рестораны, там и отели лучшие в мире. Не помешает взглянуть! В Рейхе он уже примелькался, пора искать новые угодья.

Он вдруг понял, что почти не жалеет о случившемся. Париж! Это же венец карьеры!..

Кампо между тем достал из кармана несколько сложенных вчетверо листков машинописи.

– До завтра изучишь. Биография, родственники, предки, знакомые в Штатах... По-английски говоришь?

Сын Фарбаути и Лаувейи невозмутимо кивнул.

– Дюжину фраз могу, даже без акцента. Твою писанину изучу, не беспокойся. Ты вот что скажи, дурачина...

Арман невольно закусил губу. Локи заметил, но виду не подал.

– ...Какую он музыку любит? Так настраиваться легче. Если Вагнер – это одно, если Марика Рёкк – другое совсем.

– Музыку? – Кампо явно растерялся. – Ну, джаз любит...

Хорст мысленно одобрил. Наш человек!

– Американское «кантри», новоорлеанский блюз...

– А сам поет?

Арман взглянул изумленно:

– Ты о чем? Разве что в детстве, в школьном хоре... Хотя погоди! Песню он иногда напевает, студенческую. Может, слышал? «Нет мыслям преград, они словно птицы над миром летят...»

Локи хмыкнул:

– «...Минуя границы». Это песня буршей – тех, кого в студенческое братство приняли. Отец мой как раз из буршей, Кенигсберский университет, корпорация «Тевтоника». Лента трехцветная, шапка красная с серебряным вензелем и «альбертусом». Трижды на дуэли дрался! Песню знаю, у нас пластинка была.

Задумался на малый миг, вспоминая, и завел негромким баритоном:

Нет мыслям преград,
Они словно птицы
Над миром летят,
Минуя границы...

Ловец не поймает,
Мудрец не узнает,
Будь он хоть Сократ:
Нет мыслям преград!

– Хватит! – мертвым голосом прервал господин Кампо. – И в моем присутствии, пожалуйста, больше не пой.

Локи не спорил. Драться не пришлось, «дурачина» оказался не слишком твердым орешком. Тр-р-ресь! И готов.

– Как скажешь! И обрати внимание, мы уже давно на «ты». Значит, привыкли.

* * *

Машинописный листок выпорхнул из пальцев, но Локи даже не заметил. Читал стоя, долго сидеть еще не решался. Первую страницу просмотрел бегло, запоминая главное: 23 года, эмигрант, два лета проработал в цирке, родители хотели женить, да не вышло. Все ждал, когда про шпионов начнется.

Дождался.

– Так он же... Так он же король!

Нет, не мерещится. Черным по белому: «Король Баварский, Герцог Франконский и Швабский...»

Король!

Локи сглотнул, все еще не веря, потом почесал макушку. Король? Это кто король? Он, этот парень из Штатов? Не-е-ет! Так раньше было, а теперь...

Поднял бумажный лист, расправил:

– Я, Август, Первый сего имени, Король Баварский, Герцог Франконский и Швабский, Пфальцграф Рейнский, а также иных земель владетель и оберегатель...

И подмигнул тому, кто взглянул на него из зеркала:

Печалим – ни дня,
Да сгинет забота!
Чертям пусть меня
Поджарить охота.
Не надо бояться,
Шутить и смеяться,
Подумаешь, Ад:
Нет мыслям преград!

5

«Крошка Вилли-Винки ходит и глядит...» Еле слышные шаги в пустом ночном коридоре, густые тени в углах, неяркий желтый свет единственной лампочки в бронзовом канделябре. «...Кто не снял ботинки, кто еще не спит». Ботинки, удобные, светло-коричневой кожи, давным-давно сняты, на ногах – мягкие тапочки с белой меховой опушкой. А вот спать – не спит. Давно пора быть в своей комнате, там ждет няня, но дверей стало почему-то очень много, нужную никак не найти...

Стукнет вдруг в окошко
Или дунет в щель,
Вилли-Винки крошка

Лечь велит в постель.

Няня говорит, что Вилли-Винки похож на гнома, только очень старого. На нем ночной полосатый колпак и синий халат с заплатами, в руках – связка ключей. А еще он очень сердитый, особенно на тех, кто вовремя не ложится спать. С ним лучше не встречаться, особенно когда ты одна, да еще среди ночи...

Леди Палладия Сомерсет редко видела сны. Чаще это были кошмары, бесформенные, гнетущие, от которых приходилось просыпаться, а потом пить воду и долго сидеть на кровати с включенным светом. Дневная жизнь с ее заботами снилась редко, утомляя и портя настроение. Детство – почти никогда, словно отрезало. Песню про строгого старичка Вилли-Винки пела няня, маме же она не нравилась, потому что шотландская. Спенсеры – настоящие англичане, а шотландцы хотя и присмирели, но все равно лучше с ними знаться пореже. Про них даже в британском Гимне сказано, только сейчас эти слова не поют.

Вилли-Винки, не сердись! Я уже почти сплю. Открою дверь, нырну под одеяло, зажмурюсь...

Но это не та дверь! И комната не та!..

Мамина и папина спальня, но никто не спит, мама и папа стоят у окна, на папе военная форма, офицерская фуражка лежит в кресле, а мама почему-то плачет. Папа молодой и красивый, точно такой, как на последней фотографии.

Дверь! Закрыть – тихонько, тихонько... Маме и папе нельзя мешать, им больше не увидятся. С нею, Худышкой, капитан Спенсер уже попрощался, зашел в детскую, поцеловал в лоб...

В коридоре стало темнее, лампочка то и дело мигает, надо быстрее найти свою комнату. Но дверей очень много, они одинаковы, не знаешь, какую выбрать. Тени ползут, приближаются...

– Топ... топ... топ...

Это он, это Вилли-Винки, скорее, скорее!..

Где ты, Вилли-Винки,
Влезь-ка к нам в окно,
Кошка на перинке
Спит уже давно.

Дверь! Может быть за ней – ее комната? Няня там, она защитит, не пустит чужого на порог. Няня из самых верных слуг, ее предки служили их семье еще в допотопные времена, при королях Георгах. Она, конечно, шотландка, что не очень хорошо, но папа ее любит, и даже в завещании отписал маленький домик рядом с их имением. Там няня и умерла. Мама ее не выгоняла, даже просила остаться, но... Так уж получилось.

Дверь! Скорее!.. И – сразу в кровать, можно даже в тапочках, одеяло накинуть на голову...

Нет, комната не та. Это бывшая гостиная. После смерти папы мама не заходила в их спальню и переселилась сюда. Вот и хорошо! Мама строгая, часто сердится, но все равно защитит...

Нет, нельзя... Она уже и так в комнате – стоит у маминой кровати. Траурное платье, в руке сжат платок. Мама не хотела лечиться, уверяя, что это обычная мигрень, нюхала какую-то соль. Когда узнали про опухоль мозга, ничего сделать было уже нельзя. Впрочем, мистер Торренс, очень хороший доктор, рассказал по секрету, что такие болезни не лечатся. Это наследственное в мамином роду, бомба с запалом. Если загорится, ничем не помочь, три года и все.

Вначале головокружение, легкая боль в затылке, а под конец не помогают даже наркотики. Бабушке еще повезло, фитиль зажгли, когда ей было за семьдесят...

Девушка в черном платье подносит платок к глазам... Надо закрыть дверь, скорее, скорее!.. И к следующей, бегом, не оглядываясь!..

Спят в конюшне пони,
Начал пес дремать,
Только мальчик Джонни
Не ложится спать!

Да-да, Вилли-Винки, это все мальчик Джонни, а не девочка Пэл! Это он никак не хочет под мягкое и уютное одеяло. Девочка Пэл очень-очень послушная, она даже не стала спорить с мамой, когда та перед смертью завещала ей сразу же после траура выйти замуж. Семьи договорились о браке много лет назад, это очень выгодная партия...

Девочка Пэл послушалась. Ей очень не хотелось оставаться одной в темном коридоре.
– Топ! Топ! Топ!..

Уже близко, на лестнице! Надо скорее открыть дверь и спрятаться. Вилли-Винки – строгий, совсем как ее муж, только не такой старый. Он тоже любит настаивать на своем, даже когда речь идет о том, какие обои клеить в гостиной. И у него много дел – служба, визиты, посещение клубов, игра в вист и криббидж, а еще скачки...

Интересно, у Вилли-Винки есть своя ложа на трибунах в Аскоте?
– Топ! Топ!..

Дверь, дверь! Почему медная ручка такая холодная?

Спряталась! Теперь в кровать!.. Но там занято, там кто-то совсем-совсем взрослый!.. И комната другая, она вовсе не здесь, а в Лондоне, в их новой квартире.

«Мне очень жаль, что все сложилось именно так, дорогая!»

Муж не ожидал, да и она тоже. Медовый месяц, яркое горячее солнце Неаполя. Мало ли отчего может закружиться голова? А что в затылке болит, так это от лишнего бокала белого «Biancollela d'Ischia».

К врачу ходила сама уже в Лондоне, ничего не сказав мужу. Вначале к обычному, потом к мистеру Торренсу. Тот отправил на обследование в новую клинику на Харли-стрит, но главное уже стало ясно сразу.

Фитиль зажгли...

Времена уже были другие, новые лекарства успешно снимали боль, два года можно прожить без наркотиков. В первый миг отчаяния ей подумалось о ребенке. Она успеет и увидеть, и услышать первые слова. Но тот же доктор Торренс ясно намекнул: в каждом поколении фитиль разгорается все раньше...

«Мне очень жаль...»

Муж не бросил и даже пытался делать вид, что все в порядке, но с каждым месяцем они все реже общались. Леди Палладия не могла винить супруга. Брак был по расчету, свои обязательства она не выполнила.

Два года почти прошли, год с небольшим остался.

Назад! В коридор! В комнате слишком страшно, пусть лучше тени, пусть лампочка мигает и вот-вот погаснет, пусть даже встретится с Вилли-Винки, она ему все объяснит, он поймет!

Крошка Вилли-Винки
Ходит и глядит,
Кто не снял ботинки,

Кто еще не спит.

А где он, Вилли-Винки?

Нет его!

Это же просто сон, самый обычный сон. И в коридоре совсем не страшно. Топот затих, никто не крадется, мягко ступая по ковру. Просто старый дом, просто ночь. А Вилли-Винки – детская сказка, в которую и тогда не очень верилось. И что может быть страшного под родительским кровом?

– Худышка!

Вилли-Винки нет. Есть Смерть. Ей ничто не преграда, Она вошла, непростенная, чтобы в который раз позвать:

– ...Мисс Худышка!..

* * *

Заставка на первой странице ей очень понравилась. Остроносые ракеты в черном небе и небесный город, огромный металлический многоугольник, на фоне обозначенной тонким контуром Земли. Дядя Винни очень хорошо рисует.

Заставка – да, но все остальное...

– Дядя! А зачем это вообще нужно? Почему бы не опубликовать официальное сообщение?

Из соседнего кресла обиженно засопели – кажется, Пэл, сама того не желая, обидела автора. Но ведь дядя хотел узнать ее мнение! Для этого она и задержалась в Чартуэлле, а не уехала с князем Руффо!..

На этот раз устроились в гостиной. Холодный осенний дождь лил с раннего утра.

– И что за название? «Мы не одни во Вселенной» – это же скучно. Хоть бы вопросительный знак поставил! И зачем писать о каких-то пришельцах с Венеры, когда Франция и Рейх вот-вот обнародуют свои соглашения с Клеменцией? Еще бы назвал планету «Аргентиной», как в американских книжках!

Сопение, загустев, перешло в негромкий рык. Дядя вынул сигару изо рта, покосился недобро.

– Ты как моя Клемми...

Приподнялся, вздернул голову:

– Клементина! Что ты скажешь о моей новой книге?

– У тебя прекрасные картины, дорогой! – донеслось из соседней комнаты.

Дядя, грузно осел в кресло, пристроил сигару в пепельнице.

– Пэл, девочка! Мы с тобой живем в Британии. Если добрым британцам сразу сказать правду, они не поверят. А поверят, еще хуже, начнется паника. Инопланетяне! Уже здесь! Уже у нас под кроватью! Пусть привыкают постепенно. Сначала танго «Аргентина», книжки в ярких обложках, потом то, что издам я. И пусть вначале будет Венера, о ней все знают. Какой с меня спрос, с заднескамеечника? А когда все уже привыкнут, тогда и выступит правительство Его Величества...

Нахмурился. Насупил брови.

– Заодно мою книгу прочтут и в Берлине. Адди и его банда поймут, что их контакты с Клеменцией для нас не тайна. А заодно задумаются, с какой это Венерой мы собираемся дружить, и поможет ли им союз с Клеменцией. Даже джентльмены не всегда называют кошку – кошкой!

Дядя, возмущенно фыркнув, вновь взялся за сигару. Пэл между тем скользнула глазами по очередной странице. Военное сотрудничество с Венерой планировалось начать, прежде всего, в области авиации.

Авиация?

Дядя уже третий год только и говорит, что об авиации! И в парламенте, и перед репортерами, и выступая по радио. У Британии мало самолетов, и те плохи, а Рейх бешеными темпами строит Люфтваффе...

...А еще цеппелины! Как тот, на котором она возвращалась из Нью-Йорка.

Черные стрелы!

– Дядя! Кто атаковал «Олимпию»? Мы – или наши друзья с... с Венеры?

Из кресла послышался негромкий смех. Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль победно улыбнулся.

– Все-таки догадалась! Умница, Пэл, никогда в тебе не сомневался... Нет, самолеты, к сожалению, не наши. А зачем они атаковали цеппелин, ты узнаешь сама.

6

Свернутую в тугую скатку шинель Лонжа водрузил поверх шкафа. Рядом – каска...

– Отставить! – поморщился дневальный, белокурый гефрайтер с длинным, Пиноккио на зависть, носом. – Каску поверх шинели, камрад. И чтобы эмблема как раз в центре. Ротный это любит.

Спорить Лонжа не стал. В центре, значит, в центре. Благо, можно не торопиться, на устройство выделен целый день. Рота на занятиях, казарма пуста, дневальному скучно...

Он открыл дверцы шкафа и покосился на длинноносого. Вроде, все правильно. Справа – форма, четыре комплекта, «старая соль» на левом фланге, ниже сапоги, еще ниже, на отдельной полочке, две пары ботинок. Все прочее, что на складе выдали, слева, тоже на полках.

– Фуражку поправь, кокарда на проверяющего смотреть обязана, – подсказал гефрайтер, – все, камрад, должно быть ровно и единообразно. Иначе из кухни не будешь вылезать, это если господин ротный трезвый.

Продолжения не последовало. Вероятно, нетрезвого ротного вслух поминать было не след, дабы не накликасть.

– А сюда, как водится, фотографии, – длинноносый кивнул на левую дверцу. – Только внутри, а не снаружи. У нас все парни соревнуются, кто актриску покрасивей наклепит. Или, допустим, певицу. У меня, кстати, Лала Андерсон, которая «Лили Марлен». Цветная! Ну, ладно, побежал, а то позвонить могут.

Лонжа невольно улыбнулся. Достать бы открытку с малоизвестной певицей из польского Позена, которая не ходит безоружной в разведку. И лучше не в эстрадном платье, а в полевой форме с автоматом «Суоми». А еще лучше представить, как он выходит из казармы, подходит к фонарю, тому, что слева...

Обе наши тени
Слились тогда в одну,
Обнявшись, мы застыли
У любви в плену...

Фонари у казарменных дверей действительно имелись, хоть и не светили по дневному времени. А над тяжелыми дверями – каменный прусский орел и четыре цифры: «1747». Когда он удивился, все тот же дневальный пояснил, что здание не слишком старое, очень многое в Горгау куда древнее. Крепость помнила Тридцатилетнюю войну.

За дверями был длинный широкий проход, устланный истертой за долгие годы плиткой. Влево и вправо от него – отсеки, отделенные друг от друга толстой кирпичной стеной. В каждом – койки в два ряда, как раз на отделение. А над всем – потемневший от времени сводчатый

потолок. Старая Пруссия... Лонжа ничуть бы не удивился, если из-за угла выглянули усатые гренадеры в униформе Фридриха Великого.

Почему он здесь?

Агроном, он же рейхсфюрер СС Генрих Луйтпольд Гиммлер, прав – Лонжа так и не понял, кто виноват в провале. «Быстро, красиво и эффективно». Аресты прошли по всей цепочке, потом взяли его самого и... И отпустили.

Отпустили?

Во всеисилие «серого» майора не верилось. Даже шефу Абвера капитану цур зее Канарису Гиммлер не уступил бы свою добычу. Поговаривали, что в последние месяцы положение вождя СС сильно пошатнулось, но едва ли до такой степени. И что мешало «черным» пристрелить строптивного Виттельсбаха по дороге?

А еще вспоминался патруль, остановивший их грузовик. «Извините за вынужденную задержку, господа. Чрезвычайные обстоятельства!» Побег из «кацета» случаются редко. Так может он, Август Виттельсбах, и есть это «чрезвычайное»?

«Я создаю собственное подполье. И у меня найдутся мои ручные монархисты с претендентом на престол», – сказал Генрих Гиммлер. «Хватит и того, что некий Агроном задумал провернуть с...» – намекнул майор, чья матушка родом из Баварии.

Дважды два – четыре. Никто его никуда не отпускал...

– Эй, камрад, ты Рихтер? Пауль Рихтер?

Длинноносый вернулся. Лонжа только и успел, что закрыть дверцы шкафа.

– Рихтер. А что, позвонили?

* * *

Нужный кабинет обнаружился на втором этаже соседнего корпуса. Дежурный при входе на его вопрос ответил сразу, но посмотрел странно. Дверь же самая обычная, в белой краске, посреди эмалевая табличка с цифрой «15». Ручка медная, фигурная, сама же дверь приоткрыта.

– Разрешите войти?

Ответили, но как-то невнятно. И голос почему-то показался знакомым.

За дверью – невеликая комнатка под высоким сводчатым потолком. У входа – деревянная стойка, за нею стол и большой сейф. Некто в офицерских погонах, стоя спиной к двери, перелистывал бумаги в картонной папке.

– Герр гауптман! Гефрайтер Рихтер по вашему приказанию...

– Вам привет от Гроссштойсера, Рихтер. Впрочем, все пароли отменены, и вы наверняка это знаете.

Карел Домучик бросил папку на стол, обернулся.

– Никак не могу понять, почему Гиммлер вас отпустил. Поделитесь соображениями?

Лонжа подошел к деревянной стойке, постучал по ней ногтем.

– Оказывается вот она, граница между подпольем и тайной полицией!

* * *

Кофе оказался скверным, почти как та бурда, которой их потчевали в Губертсгофе. Это настраивало на нужный лад. Последний раз Лонжа видел бывшего лагерного нарядчика на аэродроме возле Пиллау, когда их отправляли в СССР. Домучик был в штатском, но стоял среди офицеров в «фельдграу».

Опять дважды два – четыре.

– Не думал, что сотрудники Абвера выискивают измену в «кацете».

Домучик невозмутимо отхлебнул кофе.

– Не пытайтесь казаться наивнее, чем вы есть, Рихтер. Лагерное начальство осведомляют блокфризеры. Кстати, своего вы так и не вычислили. Официально я находился в командировке в связи с подготовкой операции в Вайсрутении, присматривался к кандидатам в исполнители.

Но главной моей задачей была и остается координация действий подполья. Зачем Абверу подполье? А вы догадайтесь!

Лонжа поглядел в окно, за которым темнел контур старой крепостной башни. Он подозревал, что и у «черных», и у «красных» не слишком много шансов. Но теперь понял, что дела намного хуже.

– Хотите взять оппозицию под контроль? И эмиграцию, и тех, кто в Рейхе?

Домучик бледно улыбнулся.

– Считайте, уже взяли, точнее, поделили с Генрихом Гиммлером. Потому я и поддался на ваш шантаж. Губертсгофом занимается Служба безопасности рейхсфюрера СС. Я, можно сказать, влез в чужие охотничьи угодья... А теперь будьте добры ответить на вопрос. Итак, почему Гиммлер не возражал против передачи вас в наше ведомство? И не говорите «не знаю». Знаете!

Лонжа вдруг понял, что ему очень хочется закурить, как после боя. Всезнающий Домучик определенно не в курсе его разговора с серым майором. Интересно выходит!

А если выложить карты на стол?

– Гиммлер задумал операцию, как-то связанную с королем Баварии Августом Первым. По его собственному выражению – «мерзость». Я почему-то нужен ему именно здесь, а не в «кацете». Может, потому что я назначен специальным представителем Германского сопротивления на переговорах с подпольем.

Домучик неспешно вышел из-за стола, отвернулся, хрустнул кулаками.

– Господин Рихтер, вы меня очень обяжете, если сообщите цель этих переговоров.

Лонжа тоже встал.

– Пожалуй, пока воздержусь. Quid pro quo, не забыли?

Прошлый раз он разбил излишне любопытному нарядчику очки.

* * *

– Очень не люблю ругаться, Рихтер, меня за это в детстве по губам били. Поэтому просто скажу: вы ошиблись. Надо было сразу, еще в Губертсгофе, признаться, что вы представляете баварских монархистов. Теперь все ясно, вас, конечно же, послали готовить коронацию! А если учесть, что вас вызывал Гиммлер, вы – не обычная пешка. Глупо, Рихтер, глупо! Не поняли, почему?

– Абверу нужны монархисты?

– Не Абверу, мы лишь структурное подразделение Вермахта... Вы что, верите в успех подполья? В народную антифашистскую революцию? Не думаю, что вы, Рихтер, настолько наивны. Единственная сила, способная свергнуть Бесноватого – армия. Но руководство Вермахта не поддерживает заговорщиков. Не из любви к нему, а потому что не видит цели. Не Веймарскую же республику реставрировать! Монархия – совсем иное дело, под это знамя станет большинство старшего командного состава. Вам нужно было вести переговоры не с подпольем, а со мной! Но еще не поздно. Что бы там не задумал Гиммлер, вы попали именно туда, куда нужно... Я ответил? Quid pro quo!

– Целью переговоров является создание Германского национального комитета, который бы представлял все антифашистские силы, как в эмиграции, так и в Рейхе. В перспективе – Правительство в изгнании... Кстати, об этом сообщила еще две недели назад радиостанция «Свободная Германия». Радио иногда полезно слушать, господин Домучик... Теперь моя подача? Вопрос самый простой. Как я понял, где-то поблизости находится концлагерь?

* * *

Горгау – шестиугольник, считай, звезда Давида. Вершина каждого луча – выложенный камнем бастион. А есть еще форт, единственный, хотя его называют Новым. Если нижний луч – ворота, то он рядом с тем, что левее.

Год назад армия передала форт ведомству Генриха Гиммлера, а через три месяца туда привезли первых заключенных. Лагерь не имел ни номера, ни официального именования, даже не числился в списке «кацетов». Просто – объект.

Новый форт.

7

К ночи эйфория схлынула без следа, оставив после себя грязный, дурно пахнущий осадок. Даже спать не хотелось. Локи, еще раз бегло пересмотрев машинопись, присел бочком на кровать и загрустил. Влип, влип, влип – и не по уши, по самую макушку! Хорошо быть королем – в детской сказке. А в жизни? Тех, что в Германии правили, штыками с тронов попросили в 1918-м. В России – хуже того. И во Франции, если фильму про Марию-Антуанетту верить. Чему обрадовался? Блиц, его наставник, часто повторял: «Каждый свое делает. А наше дело – воровское, чужого нам не надо».

И кто на трон его сажает? «Зипо»? С такими пропадешь без всякой гильотины! Какой там к дьяволу Париж? Может, двойник только и нужен, чтобы привселюдно прикончить для пущей наглядности? Дабы ясно всем стало: был король – и нет короля.

Неизвестного ему парня по имени Август Локи был готов возненавидеть. Не смог даже сгнуть, честный, чтобы прочих непричастных за собой не потянуть! «Меня не запрут подвальные своды»! А вот его, Локи, за чужие грехи заперли. Нет, каждый свое делать должен. Решил с Гитлером бороться – борись, но он-то, Хорст Локенштейн, на такое подписку не давал!

Не по понятиям!¹¹

В таком настроении и на кровать завалился – в одежде, как был, лишь пиджак на пол скинул. Лежал, глядя в темный потолок, только уже не грустил, выход искал. Чужую кожу напаять можно, только сдерут вместе со своей. Как он Арману-дурачине сказал? «Бороться с Рейхом – смертельный риск». Только не он это сказал – Август, который Виттельсбах. Он, Хорст Локенштейн, иначе бы совсем выразился. Риск? Да просто самоубийство! Вроде как выбить сейчас окно и с шестого этажа, вниз головой. И все равно не так опасно.

А выход есть? Получалось, что отправили его от Смерти к Смерти. Одно утешало – долгая она, дорога, всякое случиться может. Значит, пока жив и не в цепях, тропинку нужную искать следует, чтобы от Смерти прочь увела. Сейчас же соглашаться во всем, роль учить и по сторонам поглядывать. Однажды он уже ошибся – в коридоре «Адлона», когда живот заболел. Назад не повернул, выгодным делом прельстился. И совсем недавно, когда королевскому чину возрадовался.

Хватит, больше не повторится! Он – Локи, сын Фарбаути и Лаувейи. Его обманули, а он их всех втрое обставит. Только осторожно, осторожно...

С тем и уснул.

* * *

– Леопольд Иосиф Мария Алоиз Альфред, на престоле – Людвиг III. Это дедушка. Мария Терезия Генриэтта Доротея, бабушка, эрцгерцогиня дома Габсбург-Эсте. Их я почти не помню, потому как померли, когда был я в самом нежном возрасте.

Господин Кампо поморщился.

– Не тараторь, куманёк. И не торопись. Короля ты должен помнить, он умер в 1921-м. Тебе... Ему, Августу, было уже семь лет.

Локи сделал поправку на возраст. Куманёк двумя годами старше.

– Так я про своего дедушку расскажу. Борода табаком пахла, кашлял много, меня любил, только один раз подзатыльником попотчевал. А перед обедом рюмку яблочного шнапса выпи-

---

¹¹ По-немецки: «Heisst Gesicht zu verlieren!» или просто «Ist entehrend!»

вал. Я и про бабушку могу. В карты играть любила и патефон слушать. А больше мне и не вспомнить, мал был.

Арман, встав со стула, окинул «друга» внимательным взглядом.

– Не годится, куманёк. Память у тебя хорошая, и наглости хватает, только этого мало. И правильные слова про долг и честь не помогут. Ты не предо мной лицедействовать станешь. Я-то Августа всякого помню, но для остальных он – король. Его Величество, понимаешь? А настоящий король это тот, что и у расстрельной стенки остается королем. Там, куда ты попадешь, в тебе должны узнать монарха, а не шута в короне.

Намек насчет «стенки» Локи пропустил мимо ушей. Если и станут, то с дурачиной рядом, не так обидно будет. А вот насчет прочего задумался. Вот, скажем, ему нужно в том же «Адлоне» знакомство свести. Дело нетрудное, костюмчик правильный надел, в ресторане нужного человечка подкараулил. «Разрешите отрекомендоваться! Я – граф де Ха-ха!» И что? А то, что может сходу и не поверить, несмотря даже на костюм. Те, у кого кровь голубая, они особые, и жесты другие, и мимика, и голос. Их с колыбели дрессируют. Хорошо, что ему все больше с жульем общаться приходилось, пусть даже во фрак одетым. И с дамами – тех иным расположить сходу можно.

– Посмотреть бы на кого похожего, – наконец, решил он. – Только не у расстрельной стенки, а чтобы к трону ближе.

Господин Кампо только плечами пожал.

– В данный момент это несколько затруднительно, куманёк. Но я подумаю. Для начала дам тебе одну книгу, она у меня сейчас в комнате. Перелистай, может, что-нибудь сообразишь. А сейчас о другом расскажу. Мой друг... Нет, ты – именно ты! – надеялся на помощь подполья и эмиграции. Сам я знаю далеко не все, но он... ты тоже знаешь немного. Итак, подполье в Рейхе существует и действует, но оно расколото. Есть Черный фронт Штрассера, есть компартия, они между собой на ножах. Но самая заметная сила сейчас – Германское сопротивление. Его возглавляет товарищ Вальтер Эйгер...

Невидимая спица воткнулась в живот. Локи едва не застонал. Только не это, ни к чему вору такие тайны! Он вдруг понял, что свалить и связать господина Кампо не составит труда. Дверь вроде бы не заперта, значит можно выйти в коридор. И – к выходу. Вдруг там замок простой, американский? Эх, была бы с ним отмычка!..

Сдержался. Унтерштурмфюрер Глист кто угодно, но только не дурак. Не дадут сбежать, не позволят.

– ...Самого товарища Эйгера ты не знаешь, его никто не знает. Но с начальником штаба, скорее всего, знаком. Его зовут Харальд Пейпер...

* * *

Первую страницу он прочитал со всем вниманием, а дальше начал просто перелистывать, причем без малейшего интереса. Прошлый век, никому не нужная древность. И взялся-то Локи за книгу только для того, чтобы о «политике» не думать. Слишком смертью пахло и в животе начинало колоть. Спятели эти подпольщики, что «черные», что «красные»! Да в Рейхе каждый второй на каждого первого стучит, а кто не стучит – тот начнет, как только о таком услышит. Кому в «кацет» охота? Август, который куманёк, свой интерес, конечно, имеет, ради короны и рискнуть можно. Но остальные-то чем соблазнились? Милость королевская еще когда будет, а «стапо» – оно уже тут, в дверь колотит. Подполье – чепуха, там не каждый второй завербован, каждый первый. Арман-дурачина только намекнул, но он-то понял. К самым верным людям приехал господин Кампо, и пароль был правильным, и отзыв. И где оказался? Не с теми тягаться вздумал!

Вот и взялся Локи за книгу. Вольфганг Тилль «Людвиг II, король Баварии», издано пять лет назад. Скучная, и читать трудно. На каждой странице – по десять новых персонажей, все «фоны» с гирляндой имен. Только и понял, что дед Людвиг, тоже Людвиг, по дурости престол

потерял. Увлёкся девицей и все королевство прогадал. Лучше бы в карты просадил, все толку больше! А Людвиг, который внук...

И тут Локи осенило. Девицу звали Лола Монтес, она была танцовщицей... Так он уже это знает! Не из книги, понятно, при его ремесле про древности читать некогда. А вот в кино захаживать приходилось и фильмы смотреть не только про шпионов. Правда, давно дело было, ещё в Тильзите, Хорст тогда в гимназию бегал. После уроков в кино и собрались, чуть ли не половиной класса. Мало радостей в этом Тильзите, а тут новый фильм...

Вспомнил! Даже актера, что короля играл. Вильгельм Дитерле – он его потом в других фильмах видел. Конечно, не все вспомнил, а вроде как картинками, кадрами, если по-киношному.

...Вот, Людвиг, который внук и тоже король, с невестой общается. И что интересно, она ему про любовь, а он глаза пучит и даже любопытства не проявляет. А потом с тем же выражением наблюдает, как невеста целуется с кучером. Хоть бы нахмурился, гнев обозначил! Нет, смотрит, не мигает даже.

А вот в лодке плывет. Лодка штучная, в форме лебедя сделана. И не по озеру плывет, а в бассейне, который на крыше. Хорст тогда едва глазам поверил. Лодка! На крыше! Сквозь воду фонарики светят, а на лице у Людвиг по-прежнему ничего, вроде как в маске он, особой, королевской. Что чувствую, думаю что – никому не узнать. Весь я – внутри, какой именно – не ваше дело.

И снова лодка, но другая, на этот раз не на крыше, а на реке. Некая заезжая графиня к королю интерес имеет, но тот и бровью королевской не ведет. Тогда графиня лодку по-хитрому накренила, а когда оба в воде оказались, Людвигу на шею повесилась. А он поглядел, словно на вошь, и этак сквозь зубы: «Не смей прикасаться к королю!»

Но больше всего запомнился другой кадр, к концу фильма ближе. Людвиг на этот раз в замке, что сам и построил. Вышел на стену, а тут гроза на все небо. Молнии, гром, ливень всю лупит, а Людвиг смотрит, и лицо его совсем иным становится. Словно друга встретил, товарища равного себе.

Локи встал с кровати, в окошко поглядел. Ничего не увидел, только вечернее небо в тучах. А если представить, что гроза? И не Людвиг, а он, Хорст Локенштейн... Не Локенштейн, нет! Он, Август Виттельсбах, в глаза молниям смотрит? Его арестовали, били, заперли, но он все равно – король. Когда допрашивали, лицом не дрогнул, другу-предателю лишь прощальную фразу подарил. «Но почему – ты, дурачина?» И все, нет дурачины, есть мерзкий предатель Кампо. И, наконец, гроза, словно свидание в тюрьме сквозь двойные решетки. На малый миг можно сбросить маску пред ликом Того, Кто равен Тебе. Улыбнуться, словно давнего приятеля встретил.

И даже песню запеть. Нет, не запеть, задышать в такт словам.

Я мыслю о том,
Что мне интересно,
О том, что кругом
И мне неизвестно.
Невидное глазом
Постигнет мой разум,
Не зря говорят:
Нет мыслям преград!

Глава 3

Нижний уровень

1

Шпион слишком походил на шпиона, и Пэл даже начала волноваться. Почему-то думалось, что такое бывает лишь в книжках-покетах для невзыскательной публики. Темные очки, плащ с поднятым воротником, шляпа почти на носу, свернутая газета в кармане, непременно «The Times». И, естественно, пароль, что-нибудь простое и невинное: «Простите, здесь не пробегала моя ручная пантера?»

Темных очков, правда, не было, и газета оказалась иная – «The Daily Telegraph», все прочее же точно как в романе: красный почтовый ящик на углу в двух шагах от Кенотафа, широкоплечий парень в сером мятом плаще и мокрой от дождя шляпе, в зубах папироса, а вместо пароля требовалось представиться. Вот так просто – подойти и...

В центре Лондона! На улице Уайтхолл! Прилично одетая женщина (пальто подобрано не слишком приметное) в соседстве с весьма подозрительной личностью, которой только чудом не заинтересовались местные «бобби»!

Пэл фыркнула и решительно шагнула к шпиону. Вот сейчас возьмет и спросит про пантеру!

Обошлось.

– Добрый вечер, леди Палладия!

Еще и с акцентом! Шляпу, естественно, даже не попытался снять, лишь слегка поклонился. Но это еще ладно (дождь!), но руку из кармана мог бы и вынуть.

...Акцент похож на французский, но все же иной. Испанец?

– Называйте меня Грин. Просто Грин...

– Мистер Грин, – отрезала она. – Обязательно было встречаться на улице? Прямо в центре города?

Просто Грин наконец-то соизволил извлечь папиросу изо рта.

– Извините, леди Палладия, я на Земле только второй раз. Карту, конечно, выучил, но Лондон – очень большой город.

Пэл слотнула, но быстро пришла в себя.

– Судя по плащу и манерам, прошлый раз вы посетили Техас. Мы поедем, полетим или просто растворимся в воздухе?

* * *

Автомобиль тоже разочаровал – синий двухместный «Scout» BSA с брезентовым верхом. Не по сезону и, конечно же, не для Лондона. Правое крыло слегка помято, дверь в царапинах...

– Может, я поведу, мистер Грин? – осторожно поинтересовалась она, глядя, как шпион не очень ловко пристраивается за рулем. – Вы хоть знаете, что в Соединенном Королевстве левостороннее движение?

Парень невозмутимо кивнул.

– У нас тоже. Я как раз шофер. Гонщик-профессионал.

Леди Палладия закрыла зонтик и без всякого восторга окинула взглядом авто.

– Гонщик – не надо. На «Скауте» не слишком удачная подвеска.

Впрочем, несмотря на ее опасения, в машине оказалось уютно, а мистер Грин и в самом деле был профессионалом. «Скаут» уверенно преодолел многошумный оживленный центр и повернул на север. Все это время парень даже рта не раскрыл, и Пэл вновь начала нервничать.

Воспитанные шпионы так себя не ведут! В конце концов, можно поговорить о погоде. Осенний лондонский дождь, чем не тема?

– Нас очень мало в Angleterre, – мистер Грин внезапно разверз уста. – Трудности с въездом. Ваша страна для нас – не враг, поэтому мы не считаем возможным подделывать документы.

Разговор о погоде начался странно, но Пэл быстро сообразила. Шпион не сетовал, он намекал на то, о чем придется скоро беседовать и уже не с ним.

– А какие у вас еще проблемы?

Плечи под серым плащом дрогнули.

– Легализация, леди Палладия. Мы готовы заполнить документы, предоставить все нужные сведения, но для правительств Европы мы просто не существуем. А маскироваться под каких-нибудь, извините, аргентинцев нет ни малейшей охоты. Неужели земляне нас так боятся?

Вопрос больше походил на провокацию, посему Пэл отделалась неопределенным междометием. Но почему – аргентинцы? Из-за книжек про фиолетовую планету? Впрочем, дядя тоже хорош, собирается отправить гостей на Венеру.

...Может, действительно боятся? Люди не поверят, а поверят – начнется паника?

– Это все из-за танго, – наконец, решила она. – В прошлом году, когда про планету Аргентина писать стали, его весь мир танцевал. Аргентина – красное вино!

Мистер Грин кивнул.

Пыль чужбины —
Чужие лица,
Мы планету
Не выбрали.
Даже небо
Совсем иное,
Наши звезды
Вдали остались.
Мы вернемся,
Крепись, товарищ!
Пусть нас мало,
Но путь мы знаем,
Мы вернемся,
Найдем дорогу,
Если надо,
Пройдем по звездам,
Пусть нескоро,
Но мы придем домой!
Да, мы придем домой!

Не спел – прочитал, негромко, словно молитву. Лишь несколько секунд спустя Пэл сообразила, что язык не английский и даже не французский, а какой-то другой, с французским схожий. Все понятно, но звучит иначе.

– Мистер Грин, – растерялась она. – Но... В «Аргентине» нет таких слов!

– Теперь есть.

За городом была уже ночь. Коротки октябрьские дни! Слева и справа от шоссе теперь тянулись поля, время от времени перемежающиеся одноэтажными домами под черепичными крышами. Впереди был Лутон и новый, только что открытый аэропорт, но «Скаут» внезапно

начал тормозить. Пэл недоуменно оглянулась. Сзади – ничего, впереди тоже, темно, по стеклам лупит дождь... Оставалось предположить, что с автомобилем что-то не так (подвеска!), однако мистер Грин, приоткрыв дверцу, выглянул наружу и удовлетворенно заметил:

– На месте! Леди Палладия, когда увидите луч света, идите прямо к нему. Это совершенно безопасно, ни одного сбоя за всю историю. Да! Вас предупредили насчет обуви? Я, честно говоря, не посмотрел.

– Предупредили, – Пэл пошевелила ногами в тяжелых мужских (муж не узнает!) ботинках, надетых на два толстых носка. – А почему не посмотрели? Или согласно вашей этике дамы не имеют ног?

Пустив парфянскую стрелу, она выбралась из машины под дождь. Хотела взять зонтик, но в последний момент передумала. Леди с мокрым зонтиком в луче света? Абсурд!..

– Прямо! *Perpendiculaire à la route!*..

Напоследок мистеру Грину перестало хватать английских слов.

Поле было паханым, ботинки тут же утонули в вязкой почве. Несколько шагов дались без труда, но затем грязь прилипла к подошвам, ноги с трудом отрывались от земли, и Пэл без всякого удовольствия представила, как выглядит со стороны. Муха в меду – если пользоваться словами, принятыми в «их» кругу. Но если словарный запас расширить...

Белый луч упал с темных небес неслышно, и от неожиданности она чуть не поскользнулась. Вот он, совсем близко! Горящая матовым огнем колонна уходила прямо в черный зенит. Свет переливался, дрожал, по поверхности то и дело пробегали яркие точки-огоньки...

Пэл не выдержала – протянула руку. Белый огонь шагнул навстречу, мир исчез за светящейся стеной.

– Ой-й...

Земля ушла из-под ног.

* * *

Вначале вернулся слух. Совсем рядом что-то негромко гудело, а затем ей почудились человеческие голоса. Ноги нащупали твердую поверхность. Перед глазами все еще горел огонь, но и он погас, уступив место спокойному белому цвету. Вокруг было что-то твердое на ощупь, словно ее посадили в большой керамический стакан. Пэл облизала пересохшие губы, и решила терпеливо ждать. Почему-то подумалось, что она в прихожей. Если так, то вполне прилично, по крайней мере, ни дождя, ни грязи. А на стены можно картинки повесить, допустим, акварели...

А еще вспомнился Али-баба из детской сказки. Самое время сказать: «Сезам...»

– Ай-й...

Стена раскрылась беззвучно, без малейшего скрипа, освобождая проход в узкий коридор, тоже белый, но чуть иного цвета. На вид – керамика, но когда ладонь коснулась стены...

Х-холодно!

...Пэл поняла, что материал совсем иной, ей неизвестный. А вот сам коридор очень напоминал *tambour*, если пользоваться языком мистера Грина. Одна дверь позади, впереди должна быть вторая...

...Есть! Белая стена ушла в сторону.

Комната. Люди. Пэл с ужасом взглянула на свои ботинки.

* * *

– Так получилось, леди Палладия, что на языке вашей прекрасной страны, говорю только я. Так что придется быть и переводчиком. Называйте меня... Допустим, мистер Эйтз.

Белый цвет исчез, сменившись мягкими коричневыми тонами. Круглая комната, стол, тоже круглый, четыре кресла. Если все вместе сложить, ничего особенного. Ар-деко, как он есть, в Нью-Йорке Пэл видела куда более смелые интерьеры.

– Прошу вас, садитесь! Вы наверняка уже поняли, что находитесь внутри летательного аппарата. Сейчас мы на высоте трех километров от земли.

А вот одеты все трое странно, вроде как в костюмы для гимнастики, только ткань совсем иная. И больше ничего, только на шее у мистера Восьмого – тяжелая серебряная цепь с маленьким черненным медальоном.

Самое время отвечать.

– Добрый вечер господа! Три километра над землей меня не смущают. Мистер Эйтз, не могли бы представить своих коллег? Или мне следует называть их Девятый и Десятый?

Сидевший слева, годами моложе прочих, улыбнулся. Значит, этому переводчик не нужен.

* * *

– ...Вы ошибаетесь, господа. В Соединенном Королевстве нет оппозиции в европейском смысле слова. Есть – оппозиция Его Величества. В главных вопросах те, кто правит Британией, едины, партии и фракции – лишь разные колонны одной армии. Поэтому в данном случае то, что предлагает мистер Черчилль, есть мнение всей страны. Впрочем, можете проверить. В течение двух месяцев вопрос легального пребывания ваших земляков на территории Соединенного Королевства и его доминионов будет решен. Надеюсь, вас это убедит.

– Леди Палладия! Мой коллега интересуется: представляют ли те, кто вас сюда направил, с кем имеют дело?

– Переведите, пожалуйста, мистеру Девятому, что в целом представляем. Но до последнего времени недооценивали ваши возможности и вашу решительность.

– Вы имеете в виду атаку на цеппелины? Да, мы пошли на этот шаг. Рейх должен понять, что заключение военного соглашения с правительством Клеменции не пройдет безнаказанным.

– Гитлера вы едва ли напугаете. Союз с Соединенным Королевством в этом смысле куда более эффективен.

2

За тяжелой железной дверью обнаружилось небольшое квадратное помещение и еще три двери такие же основательные и массивные. Каменные стены в старой побелке, вытертые за долгие годы плиты пола, маленькая лампочка под потолком и недвижный, плотный на ощупь запах Прошлого...

Дезертир Запал, командир второго взвода, бегло осмотревшись, закрыл входную дверь, запер большим стальным ключом, одним из многих на связке, и только тогда удовлетворенно кивнул:

– Теперь можно. Разрешение у меня есть, но лучше не рисковать попусту. Мы, камрад, ненадолго. Вечером тебе к ротному, он с каждым новичком отдельно беседует. Постарайся с ним поладить, а то загоняет строевой.

Позвенел ключами, кивнул на дверь, что справа.

– Догадался, что там?

Лонжа с ответом промедлил, перебирал варианты. Они в подвале под мастерскими, соседний с казармой корпус. За дверью вполне может быть свален старый ненужный хлам, или...

– Гефрайтер Рихтер! Смир-р-но! Даю вводную: мы с вами находимся в крепости Горгау. А что в крепости обязано непременно быть? А-а-атвечать!

Руки по швам, ноги на ширине плеч.

– Осмелюсь доложить, господин фельдфебель! В крепости непременно обязано быть финансирование!

Дезертир Запал негромко хохотнул:

– Кто бы спорил! А еще? Башни, стены, редуты, рavelины, страшные легенды, привидения в черных плащах...

– И... И подземный ход! – осенило Лонжу. – Со скелетами в железных цепях!

– Точно!

Фельдфебель вновь кивнул на правую дверь.

– Скелетов не обещаю, но ведет этот ход прямоиком в Мертвецкий равелин. Ходов и всяких лазов тут полно, прямо как в муравейнике. Некоторые далеко за крепость уведат...

Вздыхнул и добавил невесело.

– Только нам их никто не покажет. Плана всех подземных ходов и у господина коменданта нет. Может, в Берлине, в военном министерстве, и то сомневаюсь... Ну, пошли!

Громкий скрип стальных петель, сырой холодный воздух, влажная земля под сапогами...
Тьма!

– Держи фонарь, командир. Я – первый, ты за мной. В Мертвецкий равелин, шаго-о-ом!..

* * *

В первый раз крепость Горгау погибла в 1520 году под пушками Короны Польской. Пали стены и башни, лишь одна, случайно уцелев, осталась стоять горьким напоминанием о давней войне. Через полвека крепость восстановили, но уже не с башнями, а с бастionsами, согласно последнему слову фортификационной науки. Но и это не помогло. Во время Семилетней войны австрийцы под командованием генерала Хадека ворвались в Горгау на плечах бегущей прусской пехоты. Капитулировали все, лишь сотня солдат и несколько храбрых офицеров, запершись в одном из равелинов, сражались еще три дня, пока артиллерия и пороховые мины не сказали последнее слово.

На обломках выстроили новый равелин, но мертвецы не успокоились. В лунные ночи часовые на стенах видели их безмолвный строй. Порванные в клочья мундиры, проржавевшие кремневые ружья, истлевшие шарфы офицеров, желтая кость, черные глазницы.

Смотр мертвецов...

Эту легенду Лонжа услышал в первый же вечер от своих новых соседей. По обычаю новичков полагалось стращать. Гефрайтер Рихтер, дабы не обижать сослуживцев, очень испугался, а те сделали вид, что поверили.

Сейчас равелин пустовал, как и все прочие. Крепость занимал всего один батальон, людей не хватало, и часовые на стенах исчезли. Смотреть на мертвецов стало некому.

Славные традиции гибли.

* * *

Он думал, что идти придется невесть сколько, но ход кончился очень быстро – три каменные лестницы и короткие наклонные коридоры между ними. Люди тут явно бывали. Несколько раз фонарь высвечивал пустые бутылки, причем пара явно попала сюда совсем недавно.

– Там наш унтер-офицерский клуб, – пояснил фельдфебель, когда одолели третью лестницу. – Собираемся в свободное время, треплемся, выпиваем иногда. Начальство знает, но смотрит сквозь пальцы, только чтобы в казарму вовремя возвращались. У них, кстати, есть свой клуб, офицерский. Тоже у равелина, только у другого.

Фонарь скользнул по старому железу. Еще одна дверь. Дезертир Запал снял с пояса ключи.

– Я тебя представлю, командир, а дальше ты сам. Но учти, хоть мы с «красными» не деремся, но соглашаемся редко. Вообрази, что ты снова в Губертсгофе.

Лонжа кивнул, соглашаясь. Вообразить легко. Вместо зеленой формы – серая роба, синий вингель на груди, полутьма барака, слева «красные», «черные» справа.

Каждый умирает в одиночку.

И танго, предсмертное, последнее.

Лишь одно воскресенье,
Без надежды воскреснуть,
Ты меня разлюбила,

Навек прощай!

Рай не светит нам, шагнувшим в бездну,
Новых воскресений нам не знать!

Скрип стальных петель, свежий вечерний воздух, низкие осенние тучи над головой...
Он переступил порог.

* * *

Между крепостной стеной и равелином – узкий простенок. Желтая, влажная после дождей старая трава, камни и несколько деревянных ящиков в облупившейся зеленой краске. Еще один, побольше, в самой середине, вместо стола. Поверх него мокрая разорванная газета. Пепельницы – старые консервные банки. Горький папиросный дым.

Четверо в зеленой повседневной форме.

– В крепости размещен саперный батальон, – доложил первый. – По штату – семнадцать офицеров, один военный чиновник, 60 унтер-офицеров, 442 сапера. На самом деле несколько меньше. Вторая рота – по сути штрафная, в нее переводят тех, у кого есть дисциплинарные нарушения и политических из «кацетов». Таких сейчас более тридцати, всем им запрещены переписка и увольнения. Связь с волей есть, но крайне ненадежная. Общее настроение – подавленное, почти все политические участвовали в боях на территории Румынии и Вайсрутении, рассчитывали на свободу. Ходят упорные слухи, что политических отсюда живыми не выпустят. Тем не менее, практически все подчиняются партийной дисциплине, созданы и действуют ячейки компартии, Черного фронта и социал-демократической партии.

– Сейчас происходит передача Горгау из военного ведомства в подчинение СС, – добавил второй. – Из крепости вывезено все важное имущество и техника, однако передача откладывается из-за большого склада боеприпасов в подвалах. Военные не считают возможным разгрузить их имеющимися силами. Передан пока только Новый форт, где уже организован концлагерь с самым строгим режимом. Связь с ним пока установить не удалось.

– Партийные ячейки действуют разрозненно, не доверяя друг другу, – сообщил третий. – Удалось достичь соглашения только по двум пунктам. Первое – сотрудничество с Германским сопротивлением и второе – подготовка вооруженного восстания в крепости в качестве крайней меры самозащиты.

– Что предлагает товарищ Вальтер Эйгер? – спросил четвертый. – Мы очень рассчитываем на его помощь. Германское сопротивление – наша последняя надежда.

Тяжелые серые тучи над головой, слезинки воды на камне, негромкие сдержанные голоса. Но вот они стихли, четверо смотрят на одного. Надо отвечать.

Последняя надежда...

* * *

От командира роты Лонжа вернулся уже перед самым отбоем. Дезертир Запал поджидал его у входа в казарму. Взяв за руку, в сторону отвел,дохнул нетерпеливо.

– Ну что? Эрльбрух, говорят, сегодня особенно в духе.

– Осмелюсь доложить, трезв, как свинья, – согласился Лонжа. – Хотя по виду и не сказать, даже запаха нет. Умеет! Поставил по стойке «смирно» и доложил: главное для сапера – маршировка и ружейные приемы, потому что после них мыслей лишних не остается. Потом спросил, не повар ли я. Пришлось разочаровать.

Задумался, поглядел вокруг.

– Слушай, а где тут у нас танк?

Фельдфебель недоуменно моргнул.

– Т-танк?! Погоди, погоди, что-то такое у нас в гараже и вправду стоит. Точно! Мне господин обер-фельдфебель, который Столб, рассказывал!

– Значит, здесь есть танк...

Пушечный «Mark II», в просторечии «гермафродит»¹², был захвачен германской штурмовой группой в апреле 1918 года под Аррасом во Франции. Трофей, изрядно поврежденный, отправили в тыл, дабы починить и поставить в строй. Управились, однако, только к концу лета, и на фронт «Марк» попасть не успел. А потом грянуло Перемирие, по условиям которого «гермафродита» полагалось непременно вернуть.

Горе побежденным!

Не вернули, жалко стало трофея. И пригодиться еще мог – беспокойно было в проигравшей войну стране. Танк оформили, как разобранный на металлолом и спрятали в Горгау, подальше от глаз союзнической комиссии. Там он и стоял, постепенно ржавея. Вспомнили о нем только после того, как Рейхсвер превратился в Вермахт. Три года назад кто-то в Берлине распорядился танк оживить, привести в порядок и торжественно водрузить на пьедестал. Попытались, прислали ремонтников, но так и не довели до ума.

– Безнадежно, – резюмировал бывший шарфюрер. – Не тебя первого посылают. Там двигатель сдох.

Август Виттельсбах, несостоявшийся командир танкового взвода, поглядел камраду в глаза.

– А если все же попытаться?

В свое время отказался, спешил в Испанию, а потом жалел. Танки ему нравились. Словно живые – рычаг, сердятся, упираются, но потом, если уговорить, делают свое дело.

Камрад Лонжа, представитель Германского сопротивления, улыбнулся, оправил зеленый мундир.

– Осмелюсь напомнить, господин фельдфебель! При вооруженном восстании требуются внезапность и хотя бы временное преимущество в решающей точке. Навалиться и задавить! Людей у нас немного, неполный взвод, зато у нас будет...

– ...Танк?

– Так точно, камрад! Танк!..

3

Зажигалку он украл у господина Кампо, легко и непринужденно, легким касанием. Щипачем-профессионалом Локи никогда не был, но самые простые навыки усвоил сразу. Не в том хитрость, чтобы в карман заглянуть, главное, чтобы клиент не заметил. А для этого клиента следует отвлечь, и лучше всего разговором о нем самом, единственном и неповторимом.

Сперва, как дурачина с утра к нему заглянул, разговор начался скучный, опять про подполье да про шпионов. Правда, когда речь о Париже зашла, стало интересно. Шпионы и шпионки из тех, что посерьезней – они в отелях проживают, причем в самых лучших, потому как для дела полезно. Один адресок Хорст на всякий случай выучил. «Гранд Отель», что на Рю Скриб, госпожа Ильза Веспер. Из намеков понял, что богата, в бриллиантах ходит, к тому же соотечественница, к такой и подкатиться можно. Арман-дурачина явно пытался – пока рассказывал, мечтательность с физиономии не сходила. Размяк парень!

Локи это почуял и усугубил. В прошлый раз Кампо цирк помянул, что, мол, на арену выходил, и не один, а с другом Августом. Хорст о том напомнил и не ошибся. Дурачина вначале смутился, а потом принялся рассказывать взахлеб, так что и подталкивать не нужно.

Созрел!

Болтовню Локи слушать перестал – за лицом клиента следил. Момент улучил, зашел справа – водицы из графина налить, наклонился слегка...

---

¹² «Гермафродит» – пушечно-пулеметный танк.

Не повезло, только и было в кармане, что зажигалка. Но Хорст брезговать не стал, прихватил. Зачем, после подумает. Теперь же самое время клиента с глаз сплавить. Надоед, болтун! Как именно, уже знал. Не на приятное следует намекнуть, а на то, что совсем наоборот.

Наотмашь!

Намекнул да так, что Арман-дурачина пятнами пошел. Теперь долго о зажигалке не вспомнит!

* * *

– ...Это не твое дело, слышишь! Ты – кукла, подсадка, чучело, манекен с граммофоном. Какого дьявола!.. Ладно, вдруг тебя и в самом деле кто-нибудь спросит. Отвечу... Ты понимаешь, куманёк, что такое большие деньги? Очень большие, тебе столько за жизнь не наворовать. Так вот, серьезные люди в США, у которых эти деньги есть, решили вложить их в Баварию. После поражения Рейха Германию поделят на части, и Бавария станет независимой. Понимаешь? Но этим людям нужна независимая страна – и зависимый от них король. Август не годится, не тот характер, но у него есть младший брат, этот за корону согласен даже ислам в Баварии ввести. Август сделал главное – короновался, возобновил преемственность династии. И стал больше не нужен. А знаешь, кто все это придумал, куманёк? Одна очень красивая девушка, моя бывшая невеста, кстати. Повезло, вовремя распрощался... Сам бы я тоже кое-что получил, если бы не схватили, возглавил бы Баварский национальный комитет в изгнании, только для этого следовало одного парня ликвидировать. А я не убийца, нервы тонкие... Я тебе о нем уже рассказывал. Зигфрид, граф Шейерна, троюродный брат Августа. Теперь он наверняка все и возглавит, этот негодяй тоже Виттельсбах... Ну что, запомнил, куманёк? Перед тем, как в Августа выстрелить, я еще подумать успел: «Лучше так, лучше сразу». В одном ошибся, следующую пулю надо было в себя, в висок. Но это я сейчас понимаю, поумнел я, дурачина, только поздно уже...

* * *

Когда дверь за господином Кампо закрылась, Локи вытряс из ушей чужие ненужные слова. Прав унтерштурмфюрер Глист! Был Арман Кампо человеком, а теперь один шлак остался. Ну и пусть себя поедом ест до белых костей!

...Зажигалка в кармане – в его кармане. Даже рассмотреть не решился, вдруг в дверь заглянут? Пока же время есть, делом занялся – обошел комнату, всю изучил, уголка не пропуская, а потом присел на кровать и принялся набрасывать план квартиры, в мыслях, понятно. Когда конвоировали, многое не запомнил, но кое-что в голове осталось. Этажи отсчитал, даже коридор ногами промерил.

...Комната господина Виклиха напротив, дверь в дверь. Правее коридор и еще одна дверь, тоже направо. Там охранник в штатском, который его выводит по нужде. Дальше туалет и ванна, за ними входная дверь. Маленькая квартирка, много народу не поселишь. Кампо-дурачину сюда привозят, и у господина Виклиха гости случаются, но к ночи все уходят. Немало сквозь дверь услышать можно, если времени не пожалеть.

А когда ночь пришла, Локи в последний раз все взвесил. С одной стороны, от добра добра не ищут. Не бьют, кормят, от суда и тюрьмы избавлен, жив – и еще жив будет, если себя умно поведет. А на другой стороне что? А на другой – Смерть, куда ни оглянись. Если уж короля, помазанника Божия, не пожалели, то какой у него шанс? Посмеялся бы, да не смешно.

И еще одного короля вспомнил – Людвига из фильма. Как его убивали, там не показано, только намекнули ясно. Тучи над озером, мокрый плащ на песке, свечи в часовне... А ведь в те годы Гитлер еще не родился!

А как бы на его, Хорста Локенштейна, месте нынешний король поступил? Август Первый?

Локи вынул зажигалку, высек желтый трепещущий огонек.

Так бы и поступил!

* * *

Штора загорелась с третьей попытки. Локи даже пальцы обжег, но результат того стоил. Нижний край сразу почернел, пламя, набирая силу, начало неспешно подниматься выше...

Хорст шелкнул зажигалкой и негромко рассмеялся. Теперь простыня. Впрочем, ее и от портьеры подпалить можно, а зажигалку, не выключая, на пол, где коврик!

Все? Нет, не все! Он взвесил графин в руке и, что есть силы, врезал по оконному стеклу. Пусть тяги будет больше! Могут, конечно, услышать, но шум в таком деле не беда.

Полюбовался тем, что вышло. Хорошо горит, ярко, ветерок пламя в комнату задувает!..

Пора? Пора!

– Пожар! Горим! Пожа-а-ар!..

Прислушался, и когда за дверью что-то стукнуло, а в замке заскрипел ключ, добавил от души.

– Пожар! Помогите! Помогите-и-ите!..

И лег на пол ничком, к порогу поближе. А вдруг ногой зацепятся?

– Помогите! Помогите!..

Кто первым вбежал в комнату, он сразу не понял. Судя по шагам – охранник, а если по голосу – сам господин Виклих.

– Verdammt Scheisse! Schwanzlutscher! Убью мерзавца!..

А вот и второй...

– Унтерштурмфюрер! Вода! Вода в ванной... Ведро... Только бы обои не занялись. Beschissen! Я мигом...

Чья-то подошва больно отдала ладонь, но Локи даже не пошевелился. Schwanzlutscher, говорите? А вот сейчас поглядим!

В ванной уже шумела вода, возле окна кто-то громко топал ногами, не иначе занавеску затапывал. Локи мельком пожалел, что с ним нет ножа. Это у Армана-дурачины нервы тонкие, а он и оскоромиться может.

Сейчас? Сейчас!

Он взлетел над полом и, не оглядываясь, прыгнул в темный дверной проем. Направо! У входа в ванную он увидел силуэт с ведром...

– Verpiss dich!

...И, не раздумывая, двинул охранника ногой в пах.

Дверь!

Меня не запрут
Подвальные своды,
Напраснейший труд —
Мне вдоволь свободы!..

Дверь – самое слабое место плана. Ее могли запереть на ключ изнутри, и тогда все напрасно. Открыл бы, но лишней пары минут ему никто не даст. Однако, подумав, рассудил: едва ли. От кого запирается? Он-то и так в комнате под замком. Значит, либо и в самом деле замок-«американец», либо...

Ладонь скользнула по двери. Сейфовый, с кнопкой внизу и... И задвижка.

Раз! Два! Три!

Ведь мысли – что бомбы:
Засовы и пломбы
Срывают подряд:
Нет мыслям преград!

Уже на лестничной площадке он обернулся и от души врезал ногой по двери. Получи, fotze!

* * *

Ему везло еще долгих три минуты. Локи успел спуститься вниз, прыгая через ступени, крикнуть растерянному привратнику: «Звоните пожарным!», отворить дверь подъезда и даже сделать несколько шагов по тротуару. Стоявший слева черный автомобиль он заметил слишком поздно – как и две метнувшиеся к нему фигуры. От первого удара уклонился, второй сбил с ног...

* * *

Когда дверь камеры открылась, он заставил себя встать. Лежал на полу, поэтому пришлось цепляться ладонями за нары. Тела почти не чувствовал, но все-таки сумел удержаться на ногах.

– Локенштейн? На выход с вещами!

Трое в черной форме. Лица пустые, равнодушные, в глазах – оловянный блеск. Локи успел удивиться. Вещи? Какие у него вещи? Но потом вспомнил: так здесь принято. Если с вещами, значит – конец.

Его торопили, но идти было трудно, тогда двое взяли под руки и потащили. Коридор, запертые двери камер, лестница, площадка, еще лестница... Что за тюрьма, он так и не понял, но точно не Плетцензее. Потолки ниже, «черная» охрана, и решетки на окнах другие.

«Колумбия», что в Темпельгофе? Впрочем, какая разница!

...Снова площадка, запертый решеткой коридор, лестница, уже поуже.

Дверь...

Когда понял, что он в подвале, хватило сил не закричать от страха. Может, здесь тоже камера – особая, секретная, для таких, как он? Но Локи уже понимал, что привели его сюда не за этим.

И только когда ткнули коленями в бетон, он заплакал. О таком Локи слышал. Сейчас приставят к затылку пистолет... Нет, не к затылку. Стреляют в углубление между затылком и шейным позвонком, сила выстрела отбрасывает тело вперед, чтобы черная палаческая форма не испачкалась кровью.

Секунды текли, стоявшие рядом молчали. Шея заледенела, затылок пульсировал болью. Он вдруг подумал, что на его месте король, из-за которого приходится умирать, вел бы себя как-то иначе. Сказал бы правильные слова – или даже песню спел про мысли, ставшими птицами...

– Теперь вы поняли, Локенштейн, что за все приходится платить?

Чужие слова прозвучали, словно «Лазарь, воскрес!» Лонжа встрепенулся, стряхивая смертную оторопь. Да-да, он все понял, он виноват, он будет послушным! Только не убивайте, не убивайте, не убивайте!..

– А я не жалею!

Прикусил язык – поздно. Сказано!

И снова секунды, долгие-долгие, каждая – словно целая жизнь. Наконец, другой голос негромко заметил:

– А вы знаете, господа, парень мне нравится. Поднимите его!

Ноги не чуяли пола, расползались, сгибались в коленях, но все же он сумел устоять. Чье-то лицо, немолодое, с моноклем в глазу, приблизилось, дохнуло дорогим табаком.

– Нам ведь нужен король, а не слизняк? Вот вам, господа, и король!

4

Она проснулась на рассвете, привсталась, бросив взгляд на циферблат настенных часов. 4.25... Вытерла пот со лба, поправила подушку. Сон уже уходил, оставляя после себя мелкие, быстро тающие обломки. Коридор старого дома, двери, комнаты, в которые нельзя войти, люди, которых она помнила живыми. Сон повторялся вновь и вновь, не помогали ни снотворное, ни чай с тремя ложками меда. Привычно заныл затылок, и Пэл решила выпить первую таблетку не после обеда, а утром. Усиленная доза, пока еще выручает...

...Вставать еще рано, но о том, чтобы заснуть не было и речи. «Худышка! Мисс Худышка!..» Зачем вновь и вновь напоминать, она и так знает!

Нет, хватит! Надо срочно подумать о чем-то другом, отвлечься, сон – всего лишь сон, небывалая комбинация бывалых впечатлений, страх разума и поиск выхода. Она по-прежнему открывает двери, ищет, надеется...

Отвлечься... А на что? Выбор невелик: окно, акварели на стенах, циферблат, люстра... Люстра? А почему бы и не люстра? Та, что в комнате ей не нравилась, бронза с хрусталем, пошлый ампир. Но люстра может быть и плоской, словно тарелка, белое стекло и... И павлиньи перья? Да, павлиньи перья, зеленое с синим и желтым...

Джованни, ее единственный любовник, был славным парнем, хотя познакомился с приехавшей в Париж англичанкой из соображений сугубо меркантильных. Есть такая профессия – заезжих дам утешать. После диагноза и тяжелого разговора с мужем хотелось... Нет, ничего уже не хотелось. Последней каплей стал анонимный звонок. Мягкий вкрадчивый голос сообщил, как зовут любовницу мужа, и где они с Генри Сомерсетом встречаются. Если это и была интрига, то не слишком удачная. Ничего проверять Пэл не стала. Собрала чемоданы, купила билет до Парижа и... встретила Джованни.

Гостиничный номер с плоской белой люстрой приютил их на несколько дней. Но запомнились главным образом павлиньи перья. Джованни тяжело дышал, рычал, даже пытался кусаться – а она молча смотрела в потолок. Зато итальянец был весел, рассказывал забавные истории и даже пытался петь, изрядно фальшивя. Потом они пару раз сходили в кино, посмотрели «Атаку легкой бригады» с Эрролом Флинном и Оливией де Хэвилленд, а потом съездили в Версаль. Под конец парень явно что-то понял и, кажется, обиделся. На прощание она подарила ему золотую сигаретницу с изображением павлиньего пера.

Больше, пожалуй, люстра ни о чем не расскажет...

Или нет?

А если такую люстру повесить над Европой – стальную, огромную, защищенную пулеметами и скорострельными пушками? Летающий авианосец – и сотня реактивных самолетов, острых стрел, оставляющих после себя дымный след? С земли не достать, «люстра» может парить на высоте до двенадцати километров, самые лучшие истребители в такой дали станут сонными осенними мухами. Объект «Polaris» – «Полярная звезда».

«Мы не пугаем вас, леди Палладия, лишь предупреждаем. «Полярная звезда» будет достроена приблизительно через год. Может, за этот срок вы сможете найти какое-нибудь противодействие, но это будет сложно. Руководство Клеменции официально заявило, что объект необходим для принуждения к миру в случае весьма вероятного силового конфликта в Европе. Такой уж у нас язык! «Мир» означает «война», «свобода» – тотальный контроль над телами и душами. Мы, Цех Подмастерьев, с этим не согласны, потому и оказались вне закона. Сейчас наши интересы совпадают. Если армия Клеменции высадится в Европе, возможности сопротивления режиму резко уменьшатся...»

Фотографии ей тоже показали. «Люстра» оказалась не круглой, а больше напоминала гладильную доску. Пока она далеко, на орбите. Строительство идет на объекте «Монсальват», тоже гладильной доске, но во много раз большей.

Когда мистер Грин отвез ее домой, Пэл хотела тут же телеграфировать дяде, но в последний момент передумала. «А поверят, еще хуже, начнется паника. Инопланетяне! Уже здесь!» Дядя Винни – тоже человек, и не просто человек, а целый вулкан. Если вулкан вдруг запаникует...

Рано! Сначала она все, все проверит...

На часах – 4.40. Прислуга еще спит, но кофе она сможет сварить сама. А ровно в 5 утра надо включить радиоприемник, «Свободная Германия» будет передавать утреннюю сводку новостей.

Клеменция – союзник Рейха. Дядя Винни ищет союзников на Венере. Цех Подмастерьев пока еще предпочитает остаться нейтральным.

Но это пока...

Пэл встала с кровати резко, рывком. Кофе! Новости! Свежая почта!

Она еще жива.

* * *

Каждой уважаемой семье положен свой позор, скелет в шкафу и паршивая овца. У отца овцой стал младший брат, картежник и гуляка, у мамы – сестра, тоже младшая. О беспутном дяде Джоне, сгинувшем где-то на юге Штатов, Пэл почти ничего не знала, зато тетя Адмиранда стала черной грозовой тучей, осенявшей детские годы. «Обязательно доешь манную кашу, Палладия, а то станешь такой, как твоя бедная тетя!» Призрак страшной тетюшки не отпускал, даже имя пугало. Ад-ми-ран-да! Кто же так ребенка назовет?

В имени и заключалась вся беда – по крайней мере, по мнению старших родственников. «Достойная Восхищения» – вызов и даже соблазн. Кем девочка станет, когда вырастет?

Тетя Адмиранда выросла «флаппером». Слово звучало еще хуже, чем имя. Тетя Хлопушка! А если возьмет и взорвется прямо за обедом? Впрочем, к обеду ее никто не приглашал, не звал в гости, познакомиться же довелось только в школе, на каникулах, в замке у бабушки, когда Пэл уже исполнилось шестнадцать.

– Привет, мелкая! – обратилась к ней незнакомая худая женщина в розовом с блестками платье-«паллулле» и шляпке «клош». – Ты наверняка Палладия, тебя все годы от меня трогательно прятали... Ну, будем знакомы! Я – Мири.

Щелкнула миниатюрной сумочкой и заговорщицки подмигнула:

– «Кокс» будешь?

А еще через год «кокс» уложил тетю Мири в клинику, очень и очень надолго. Вновь увиделись только на свадьбе. Будущий муж, не осведомленный о тонкостях семейных отношений, включил будущую родственницу в число приглашенных.

Пэл отпустила такси, достала из сумочки телеграмму. «Настоятельно рекомендую...» Супруг, истинный дипломат, умел выбирать выражения. «Настоятельно рекомендую» – нахмуренные брови, резкие складки у губ...

Ре-ко-мен-ду-ю!

Нужный дом рядом, закопченная шестиэтажка конца прошлого века. Ньюхэм – не самый престижный район Лондона. Тетя Мири, растратившая все, что у нее когда-то было, снимает однокомнатную квартиру на третьем этаже.

«Настоятельно рекомендую взять с собой тетю». Замужней леди в зарубежной поездке обязательно положена компаньонка. Муж, конечно, имел в виду совсем другую тетю – свою родную сестрицу, надменную старую деву, от одного вида которой Пэл становилась не по себе...

Телеграмму спрятала. Туда! Подъезд, что слева, рядом с угольной кучей.

Только бы тетя Мири была трезвой!

* * *

– Ты меня пугаешь, мелкая! Надеюсь у тебя все в порядке? Но если тебе надо спрятаться, охотно составлю компанию. С детства мечтала устроить перестрелку с полицией!

Были «флапперы», буйные дети 20-х – да все вышли. Блейзеры цвета морской волны, сапоги-«веллингтоны», брюки-«оксфордские мешки», цветные банданы, «итонская» стрижка... Где оно все? Ушло, сгнуло навсегда. Скромное серое платье, туфли на низком каблуке, ни единого кольца на пальцах. И только на губах, вызовом и давней памятью – «лук Купидона», яркий след дорогой помады.

Если мельком взглянуть – молодящая старуха. А ведь тете едва-едва за сорок.

– В порядке. Прятаться, тетя, не будем, лучше убежим.

Пэл втянула воздух носом. Пахло кофе и свежей сдобой.

– Не намекай, – тетя Мири поморщилась. – Три дня без бутылки. Хотела сегодня душу отвести, но получила твою телеграмму.

Крепко взяла за руку, потянула за собой.

– Пошли! Все расскажешь!..

Все? Пэл прикинула, что будет если свести тетю Мири с мистером Восьмым. Наверняка, взрыв на высоте три мили.

Хлопушка!

* * *

– Я Уинстону не верю. Во всей Европе он – единственный, кто хочет войны – на пару с заокеанским мистером Рузвельтом. Гитлер всем плох, но воевать не будет, поостережется. А твоему дяде нужна его собственная Мировая. Вообразил себя богом Войны. Так ему при случае и передай!

Пэл не перебивала, слушала. То, что тетя Мири интересуется политикой, стало для нее в свое время сюрпризом. Не первым и, вероятно, не последним.

– Тетя! Потому-то мне и нужно съездить во Францию, а потом в Германию.

Непутевая родственница глубоко затянулась длинной ароматной сигаретой и внезапно подмигнула, как в их первую встречу.

– Джентльмен никогда не станет шпионом, но охотно выполнит личную просьбу министра иностранных дел. Он не крадет секреты, а добывает информацию... Но почему не послали твоего мужа?

Пэл замялась, но ответила честно.

– Потому что я состояла в «Британском союзе фашистов» сэра Мосли, а он – нет. Я выступала против отречения его величества Эдуарда VIII, а мой супруг предпочел отмолчаться. В Берлине меня выслушают, а ему только улыбнутся... А еще потому, что мне это очень интересно.

Тетя Мири наивно моргнула:

– Зачем такие сложности, мелкая? Заведи себе любовника – или любовницу. А лучше двоих сразу, они будут постоянно ссориться, и ты получишь маленькую, но самую настоящую Мировую войну... Кстати, какие сейчас правила насчет перевозки оружия? Можно купить во Франции, но я, знаешь, привыкла к доброму старому Веблей № 2.

Страхнула пепел в пустую чашку, наклонилась ближе.

– А любовника мы еще с тобой заведем. Хочешь – одного на двоих?

5

– Герр обер-лейтенант! Гефрайтер Рихтер по вашему приказанию прибыл!

«Осмелюсь доложить!» – не для этого случая. Не поймут, а если поймут – не оценят.

Учебный класс, длинные столы, плакаты на стенах, стенды, витрины... Тут он еще не бывал. И не стремился, но – вызвали. Выдернули прямо из танка, даже осмотреться не дали. А танк успел понравиться. Почти как настоящий: большой, свежеевыкрашенный, с гусеницами...

Только мотора нет. Не «сдох», а вообще.

– Новенький, значит?

Унтер в углу – просто унтер, учебный мастер. А вот офицер – это серьезно. Обер-лейтенант Кайпель по кличке Скальпель, заместитель ротного.

– Ну, поглядим, кого к нам прислали...

Скальпель? А похож! Худой, невысокого роста, впалые щеки и нос с горбинкой. К ротному относились как к стихийному бедствию, этого же откровенно не любили. Придирчив, вьедлив и зол, три в одном.

Скальпель, словно желая подтвердить репутацию, подошел ближе, прищурился.

– Что за строевая стойка, гефрайтер? Выше подбородок, выше!.. Завтра лично выведу на плац! А пока...

Кивнул унтеру. Тот, не сказав ни слова, сдернул покрывало с крайнего стола.

– Вы теперь сапер, гефрайтер. Знаю, откуда вас прислали, но чудеса иногда случаются... Что вы видите?

Лонжа шагнул ближе. Бравый солдат Швейк на его месте непременно бы отпрапортовал: «Осмелюсь доложить! Это, стало быть, железо». Но обер-лейтенант Скальпель – не подпоручик Дуб.

– Самая дальняя – Tellermine 29, легкая танковая мина, четыре килограмма разрывного заряда, тротил или мелинит. Три взрывателя ZDZ 29, один может быть использован, как элемент неизвлекаемости. Ближе – Sprengmine 35, выпрыгивающая осколочная мина кругового поражения, вес разрывного заряда – до 500 граммов, дальность – 15–20 метров...

– Достаточно, – Скальпель поджал губы, задумался на миг. – Какие извлекали лично? Солгать? А зачем? Синий «винкель» ему в любом случае обеспечен.

– Итальянские, «TS». Номеров не помню, одна на гайку похожа вторая с усами.

Заместитель командира роты покосился на унтера. Тот молча указал на один из столов.

– Щупом работали?

– Так точно!

В разбитом бомбами Вильяверде, южном пригороде Мадрида, все время лили дожди, земля превратилась в холодную мокрую кашу, а с минами в их 1-м Немецком батальоне 11-й интернациональной бригады умели управляться только четверо и то теоретически. Командование задумало очередной контрудар, приходилось работать ночами. Проходы расчистили. Двоих из группы похоронили на ближайшем кладбище у развалин храма.

– В Вайсрутении с минами не сталкивались?

Лонжа пожал плечами.

– Наша рота – нет. Двигались быстро, русские не успевали ставить заграждения.

Обер-лейтенант согласно кивнул. Наверняка уже успел поговорить с «дезертирами».

– Дело в том, Рихтер, что всем новичкам полагается пройти через... Ну, скажем, крещение. Для тех, кто взрыватель от зажигалки не отличит – обычное минное поле, щуп в руки и вперед. То, что мины бутафорские, новичок начинает понимать где-то на середине. Но вы – иное дело...

Унтер, не дожидаясь команды, прошел к самому дальнему столу и снял покрывало – не полностью, только с краю.

– Взгляните, гефрайтер!

Что лежит на столе, он узнал сразу – снаряд от крупновской гаубицы образца 1913 года. Но с ответом не спешил. Подошел ближе, всмотрелся... Корпус проржавел, однако желтую

полосу различить еще можно. В училище он видел такие лишь на рисунках в учебнике. Откуда только взяли?

И почему – ржавый?

– Химический снаряд 1917 или 1918 года. Судя по желтой полосе – иприт...

– Фосген, – негромко поправил Скальпель. – Корпус, понятно, пустой, но если начинка была на месте, рискнули бы вы взять его в руки?

Лонжа вновь поглядел, но уже очень внимательно. Сапер, как известно, ошибается два раза, первый – когда надевает погоны...

– Рискнул бы, герр обер-лейтенант, но только в противогазе. Этот снаряд не снаряженный, без взрывателя. Сам по себе не взорвется, однако в корпусе могут быть повреждения. Кроме того, возможна утечка через отверстие для крепления взрывателя.

И не удержался.

– Такие снаряды положено хранить только в ингибирующей смазке. Это – ржавая смерть!

Скальпель негромко рассмеялся.

– Что, проняло? Нет, это еще не смерть!

Покрывало сползло на пол. Рядом с первым снарядом – второй, почти такой же. Почти...

– А вот это – смерть!

Прошел быстрым шагом к центру комнаты, поманил к себе унтера.

– Захватите все документы и возьмите с собой еще двоих, из самых надежных. Гефрайтеру Рихтеру выдайте противогаз... Ну, что новенький, пора креститься! В нашей крепости есть одно очень глубокое подземелье...

Лонжа вспомнил рассказ камрада-фельдфебеля. Нижний уровень...

Смерть, вечная спутница, неслышно стала рядом.

«Я здесь, мой Никодим!..»

* * *

Страшное начиналось совсем не страшно, напротив, буднично, даже скучновато. Вначале он долго ждал возле учебного корпуса, стараясь думать о совершеннейших пустяках. Вспоминал училище, где первогодков тоже полагалось «крестить», но до этого еще следовало дотянуть. Согласно неписанной традиции с новичками первую неделю не разговаривали – на них орали по поводу и без всякого повода. К собственной койке приходилось идти, словно на плаху.

И в Горгау – традиции. Новые соседи сразу предупредили: форму «старой соли» он надевать пока права не имеет, даже если начальство прикажет. Взыщут – терпи. Когда можно будет, сообщат, только случится это не очень скоро.

Новенький! Ничего не попишешь.

Наконец, вокруг все зашевелились, появился знакомый унтер с большой папкой подмышкой, затем два незнакомых сапера, вероятно из первой роты. Пришел и Скальпель. Построил в колонну по двое и – марш!

Двинулась, как Лонжа и предполагал, к складам, массивным двухэтажным корпусам, построенным, судя по виду, даже раньше, чем казарма с орлом над дверями. Перед Семи-летней войной в Горгау находился главный тыловой магазин прусской армии. Потом склады пополняли, старое имущество списывали, однако среди старожилов ходила легенда о заброшенном «старом уголке». Якобы в одном из подземелий чудом уцелел военный запас времен войн с Наполеоном: мушкеты, бочки с порохом и даже древние пушки. Самые знающие добавляли, что где-то там спрятана и воинская казна, исчезнувшая накануне капитуляции 1806 года. Ворвавшиеся в крепость солдаты Бонапарта нашли только сундуки с медью.

У складских ворот снова пришлось ждать. Обер-лейтенант куда-то исчез, и можно было без помех осмотреться. Со времен Наполеона многое изменилось, появились рельсы, прямо возле ворот стояла большая платформа, укрытая брезентом, рядом с ней погрузчик с подъемным краном. Два года назад, когда в Берлине было решено вывести из крепости гарнизон,

остатки имущества принялись эвакуировать. Дело вначале пошло быстро, однако затем все застопорилось.

– Здесь это и случилось, – негромко сказал один из саперов. – Прямо у ворот, когда химию с платформы сгружали.

– Scheiße! – откликнулся второй!

Подумал и добавил скучным голосом:

– Эх, перекурить бы!

– Отставить! – сурово заметил унтер. – Ничего не случилось! Ни-че-го!

...Снаряды с фосгеном завезли в крепость летом 1918-го. Весеннее наступление на Западном фронте не удалось, и Верховное командование лихорадочно готовило новый удар на начало осени. Химических снарядов требовалось много, запас накапливался на тыловых складах. Вначале все шло штатно, снаряды с желтой полосой поступали, как и полагается, в смазке, отдельно от взрывателей. Однако весенний опыт показал, что сборка снарядов в полевых условиях сильно задерживает темп стрельбы. Новые партии стали приходить уже полностью снаряженными.

Наступление не состоялось, «черный день» германской армии перечеркнул все надежды. Снаряды с желтой полосой остались ждать своего часа.

Ничего не случилось... Два года назад здесь, у ворот склада погиб целый взвод. В тот день кто-то излишне смелый отдал приказ грузить снаряженные боеприпасы. Наказывать было некого, излишне смелый умер вместе с остальными.

– Готовы? – вынырнувший словно из-под земли Скальпель окинул внимательным взглядом подчиненных. – Противогазы проверили? В колонну по одному! Шаго-о-ом!..

* * *

Ничего страшного не было и дальше. Огромный проход, освещенный неярким электрическим светом, рельсы посередине, слева и справа запертые стальные двери. Вначале пол был ровный, но уже через сотню метров начал заметно понижаться. Проход уводил в самую толщу земли. Двери сменились воротами, рельсы раздваивались, от основного пути отходили небольшие ветки, а путь вел все дальше, пока не уперся в тупик. Но проход не кончался и здесь, раздваиваясь вместе с рельсами на два ответвления. Обер-лейтенант, шедший первым, уверенно свернул налево.

Снова спуск, уже не такой пологий. Электричество еще горело, но ламп стало заметно меньше. Тени в углах загустели, надвинулись со всех сторон, словно желая преградить путь. Люди молчали, лишь сапер, шагавший впереди, время от времени гулко вздыхал. Лонже на миг почудилось, что он снова в «кацете» только опустевшем, брошенном. Никого и только несколько чудом уцелевших бредут бесконечной дорогой из ниоткуда в никуда.

...Я там, где свет немотствует всегда и словно воет глубина морская, когда двух вихрей злобствует вражда. То адский ветер, отдыха не зная, мчит сонмы души среди окрестной мглы и мучит их, крутя и истязая...

Почти не заметны шаги, даже вздохов уже не слышно. Последняя лампочка осталась далеко позади. Тьма нахлынула, объяла со всех сторон, поднялась до самой души...

– Стой!

В стену ударил луч фонаря, высветив ровный четко очерченный круг. Унтер протянул руку. Негромкий щелчок, и прямо над головами вспыхнула лампочка. Лонжа удивился было, но быстро сообразил. Для того и не включают, чтобы никто близко не подходил.

– Ста-а-ановись!

Строй – всего три человека, гефрайтер Рихтер, ростом невысок, на левом фланге. Обер-лейтенант Скальпель взял переданный ему унтером тощий журнал, развернул.

– Внимание! Сейчас все распишутся за правила техники безопасности. Они просты: ничего руками не трогать и ни при каких обстоятельствах не снимать противогаз. Со мной

пойдет гефрайтер, остальным – ждать у входа. В случае появления посторонних – задержать, можно с применением силы. Вопросы?

Не дождавшись таковых, достал из планшета автоматическую ручку.

– Приступаем!

Потом была проверка противогазов, затем Лонже вручили электрический фонарь и велели светить под ноги. Еще один фонарь взял унтер. Скальпель еще раз оглядел подчиненных, нахмурился.

– Газы-ы-ы!..

Маска на лице – и мир распался на два маленьких круглых оконца. В гофрированный трубке, ведущей к фильтру, зашумел невидимый насос.

Ш-ш-шух! Ш-ш-шух!

Вначале открылась первая дверь, впуская людей в квадратный тамбур, где горела еще одна лампа, потом унтер запер первую дверь, подошел ко второй, начал возиться с ключами...

Ш-ш-шух! Ш-ш-шух! Ш-ш-шух!

Наконец, и эта дверь отворилась. Шедший первым Скальпель дернул рукой, указывая саперам место у входа. Те, не имея возможности ответить, молча кивнули.

Ш-ш-шух!

Лонжа шагнул ближе к обер-лейтенанту и включил фонарь. В огромном кирпичном подвале горел свет, но слишком слабый, видно всего на несколько шагов. Офицер вновь махнул рукой, указывая дорогу.

Ш-ш-шух! Ш-ш-шух!

Лонжа прошел несколько метров, глядя под ноги, на старый цементный пол, затем посмотрел прямо перед собой и увидел кусок старого брезента. Удивился, поднял фонарь повыше и высветил ряд деревянных ящиков в зеленой краске. Нижний ряд, все прочее под брезентом. Не утерпев, посветил в сторону – там оказался огромный стеллаж. Ящиков не было, снаряды лежали прямо на железе. За стеллажом угадывался еще один...

Снаряженные снаряды. «Компаус», если на здешнем сленге.

Ш-ш-шух!

Унтер легко ударил его по плечу, и Лонжа отвел фонарь. Скальпель тем временем, откинув брезент, протянул затянутую перчаткой руку к покрытому старой краской дереву, но касаться не стал. Унтер-офицер достал из папки какой-то листок, поднес к глазам, затем показал офицеру. Тот, кивнул, палец скользнул ниже...

Ш-ш-шух! Ш-ш-шух!

Лонжа подумал было, что на этом дело и кончится. Ошибся – все только-только началось.

* * *

Противогаз он снял в подземелье, но по-настоящему отдышаться смог только во дворе. Перед глазами все еще плавал серый сумрак, рассеянный электрическим огнем. Желтый свет – и желтый цвет полосок на старых ржавых снарядах. Сколько их там, внизу, он не решился даже сосчитать. Стеллажей более двадцати, и еще ящики, один штабель у входа, два в глубине...

– Гефрайтер, вы что, заснули?

Он наконец-то очнулся. Ясный день, сквозь тучи пробивается неяркое осеннее солнце, у складских ворот разгружают грузовик, незнакомый фельдфебель распекает попавшегося под руку сапера. Жизнь, как она есть.

Вот и герр обер-лейтенант. Один – когда остальные успели уйти, Лонжа даже не заметил.

– Слишком много суетились, Рихтер. Но для начала сойдет. В следующий раз позвать – или предпочтете поработать на кухне?

Лонжа заставил себя усмехнуться.

– Зовите!

...Перед отбоем соседи по казарме, о чем-то посоветовавшись, приказали ему надеть форму цвета «старая соль».

6

Локи проснулся от боли, застонал и не без труда разодрал веки. В глаза ударил непривычно яркий свет. От удивления он даже привстал, и только тогда понял. Солнце! Пусть и невелико в камере окно, пусть и решетками забрано, а все равно светит.

Значит, жив!

Сполз с нар, не без труда добрал до «параши» по пути пытаюсь понять, что ему на этот раз отбили. Ныло все, от макушки до пяток, но кости вроде бы целы и мысли, пусть и без всякой охоты, шевелятся под черепной крышкой.

Вернулся, сел на серое тюремное одеяло и вновь огляделся, на этот раз основательно. Камера та же, но что-то в ней не так. Стены на месте, и потолок, и обитая железом дверь с «глазком». А что неправильно? Неправильно – солнце. Если встало, если не поленилось в окно заглянуть, значит на дворе белый день. Спать в тюрьме полагается только ночью, утром же – побудка, проверка, завтрак, в конце концов.

К нему даже не зашли. Хорошо это или плохо?

Подумал еще, поскреб затылок (между затылком и шейным позвонком – бр-р-р!) и решил: хорошо! Если дали отлежаться, значит, не только жив, но и живым требуется. Надолго ли, иной вопрос.

И еще одно «не так». Камера маленькая, на четверых, нары в два этажа, а он – единственный квартирант. Воздуха больше, но и опаски тоже. А еще...

Встал, сделал шаг вперед, наклонился. А это чье добро? На соседних нарах – книжки, одна толстая, вторая же наоборот, не книга даже – брошюра. На толстой переплет кожаный и название тиснением золотым: «Юридические основы власти монарха».

Ага! Все-таки он им нужен!..

На малый миг Локи закрыл глаза и вновь увидел замковую стену, острый силуэт молнии, черный плащ на плечах того, кто улыбался буйству стихии.

«Вот вам, господа, и король!»

Книжки оказались совсем разными и не только по размеру. Первая еще в прошлом веке вышла, причем в Берлине. И автор указан – Рудольф Иеринг, профессор и доктор юриспруденции. Вторая же, тонкая, без автора и места издания, лишь год обозначен – 1937-й. На обложке герб с двумя львами и незнакомый флаг в два цвета, белый и голубой.

«Бавария и Европа».

Локи помотал головой, подгоняя ленивые мысли. Ерунда! Никакой Баварии сейчас нет, Арман-дурачина, все подробно растолковал. Поделили ее на области и конституцию отменили. Сам фюрер распорядился! А она, Бавария, выходит, есть?

Перелистал, дошел до предпоследней страницы и только тогда сообразил. Вот о ком книжка-то!

«Август, Первый сего имени, Король Баварский, Герцог Франконский и Швабский, Пфальцграф Рейнский, а также иных земель владетель и оберегатель...»

...Цирк любит, слушает джаз да ко всему еще и король!

Увлекся, принялся читать с первой страницы да так до последней и дошел, благо страниц всего два десятка. Как раз вовремя – железная дверь со скрипом отворилась.

– Локенштейн? На выход!..

Он почему-то совсем не испугался. Хотели бы убить – не стали бы книжки про королей подбрасывать.

* * *

– А на что вы рассчитывали, Локенштейн? Полиция за вами следила, вас бы и так арестовали...

Допросчика он узнал сразу, хоть тот теперь был без монокля. В штатском, очень серьезный, годами за пятьдесят, и благородство на лице готическими литерами прописано. Такому только при королевском дворе службу нести.

– ...Взяли бы с поличным, прямо в номере. А дальше что?

На подобный вопрос у вора ответ один: «А не ваша это, господин хороший, забота!» Но тут случай особый, и Локи ответил честно:

– Ни на что не рассчитывал. Знал, что возьмут рано или поздно, судьба у меня такая. И не беда. В тюрьме ума бы набрался, знакомства нужные свел, может, и на дело бы новое вышел, чтобы настоящее было, серьезное!..

Даже улыбнулся, хоть и болели разбитые в кровь губы. Тюрьмой его не напугать, тюрьма для вора – дом родной.

Допросчик выслушал до конца, но тоже с улыбкой, очень даже ехидной.

– Серьезное? – дернул тонкими бровями. – Это на какую, извините, сумму? Миллион? Десять миллионов?

Локи задумался, не зная как ответить. Огрызнуться? Но этот ехидный его, считай, от верной пули спас – той, что между затылком и шейным позвонком.

– Миллион мне не осилить, но тысяч пятьдесят взял бы, если по-умному подойти. На пару лет бы хватило, а там и новое дельце бы подвернулось... И, простите, как мне к вам обращаться?

Тот, кто сидел за столом, словно не услышал. Задумался о чем-то о своем, даже голову в сторону отвернул. Подождал пару минут и только затем встрепенулся.

– Что? Как обращаться? Ну, скажем, «господин комиссар»...

Хорст не поверил. На полицейского комиссара этот человек ничем не походил. А какие еще бывают комиссары? Которые в России?

– ...А по поводу вами сказанного, могу предложить вот что.

На стол легла чековая книжка. «Комиссар» достал ручку, снял колпачок.

– Давайте подсчитаем, Локенштейн. На суде вы получили бы никак не меньше трех лет и только потом смогли повернуть свое дело. Сейчас я выпишу чек на... Не будем мелочиться, на семьдесят тысяч марок...

Локи громко сглотнул.

– Это за четыре года вашей жизни.

Пальцы сами собой принялись загигать. 1937, 1938...

– До конца 1941-го, – «Комиссар» еле заметно улыбнулся. – Но, может, и на бóльший срок. В общем, до самого конца войны.

Пальцы сковало льдом.

– А разве мы... Разве мы воюем?

Улыбка исчезла – словно тряпкой стерли. «Комиссар» наклонился вперед.

– Будем воевать, Локенштейн! Непременно будем! И это еще один аргумент. От мобилизации вы не укроетесь, брать станут всех, невзирая на справки, хуже, чем в 1918-м. Или окопы – или лагерь. А так вы будете на службе, неплохой и очень денежной.

Про будущую войну Локи и сам догадывался. Иначе, зачем столько оружия клепать? В селах, поговаривают, уже карточки на продовольствие вводят, скоро и в городах начнут. Если и в самом деле грянет, можно и в Вермахте устроиться, к кухне и складу поближе. Но это уж как повезет, а его везение, считай, кончилось.

Семьдесят тысяч? Да он и на половину согласен.

Ой!..

Проклятая спица вновь вонзилась в живот. Зачем половина? Эти штукари его бесплатно закопают – под ближайшим заборчиком. Так «быки» стукачей вербуют: сперва лупят смертным боем, потом денежкой перед носом трясут. А чем кончается? Хорошо, если просто на нож сядешь, без мучений.

«Комиссар» – умен дядька! – что-то почуял. Сунул руку в карман и – раз! Вот и знакомый монокль в глазу...

– Думаете, обманем? Не верь, не бойся, не проси, знаю! Я мог бы сказать, Локенштейн, что выбор у вас не слишком велик, но вам это и так известно. Лучше подумаем вместе...

Спица превратилась в раскаленную кочергу, но Хорст постарался не подать виду. Согласиться, может, и придется, но... Не сразу! И уважения больше, и что-то полезное услышать можно.

– Август Виттельсбах – опасный враг Рейха. Его коронация может сплотить наших врагов и вызвать неприятности с соседями. Виттельсбах арестован. И что теперь? Ликвидировать?

Локи невольно поежился. «Комиссар» смотрел прямо в глаза, и он понял, что придется отвечать. Может, просто кивнуть? Но этот, с моноклем, предлагает подумать...

Подумать? Короли – они, конечно, тоже люди и так же, как все, смертны. Король умер... А что дальше? В фильме про это было.

– Если его, Виттельсбаха, тихо пристрелить, для всех он живым останется. А если убить... Король умер – да здравствует король! Правильно? И нового короля снова ловить придется. А вдруг он, новый, похитрее, окажется?

«Комиссар» откинулся на спинку стула. Монокль блеснул неожиданным огнем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.